

Евгений Семичев

Незакатное солнце

*Книга
избранных стихотворений и поэм*

Русское эхо
2021

***Автор сердечно благодарит
Российский фонд мира
за финансовую помощь
в издании этой книги***

Семичев Е.Н.

С 30 Незакатное солнце: Избранные стихотворения и поэмы — Самара: Русское эхо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-9938-0027-1

Семичев Евгений Николаевич — выдающийся современный русский поэт, внесённый в список классиков XX века Пушкинским Домом Российской Академии Наук. Автор книг: «Соколики русской земли», «Великий верх», «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Небесная крепь», «Лети, мой блистательный снеже...» и др. А также множества публикаций в российских центральных, зарубежных и региональных литературно-художественных и общественно-политических изданиях. Живёт в Самарской области.

В книгу избранных стихотворений и поэм «Незакатное солнце» вошли наряду с новыми стихами произведения разных лет.

ISBN 978-5-9938-0027-1

© Семичев Е.Н., 2021.
© Русское эхо, 2021.

*Защитники
Отечества —
поэты*

* * *

Над Россией, стелая в голос,
В небе мечется птичий клин.
Косит жатву Холера Морбус...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Просыпается бодр и весел,
И здоров. Ай да сукин сын!
Отправляет письмо невесте...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

В том письме свой поклон для тёщи
Шлёт, как истовый семьянин.
Облетает лучинник в роще...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Он работает, как вельможа.
Презирая тоску и сплин.
Сочиняет и пишет лёжа...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Что задумано между строчек,
Знает в мире лишь он один
Да крылатый искристый росчерк...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Дописав свой шедевр до точки,
Сей сиятельный господин
С визгом плещется в банной бочке...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

На коне златогривом скачет
Вдоль родных золотых куртин.
И восторга любви не прячет...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

* * *

Вот и закачалось мирозданье
Мерно, словно птица на лету.
Юность мне назначила свиданье
На летучем подвесном мосту.

Под мостом плывут вольготно утки.
Над мостом взлетают сизари.
Этот мост парит два раза в сутки
Высоко — на уровне зари.

Ангельской своей улыбкой кроткой
В пламени горячих юных дней,
Плавающей лодочкой походкой
Выкликают девушки парней.

Этот мост, летящий над рекою,
Позволял подняться в полный рост
И дрожащей трепетной рукою
Доставать до самых ярких звёзд.

Где теперь те годы зоревые
У небесной бездны на краю.
Здесь бесстрашно нежно и впервые
Целовал я девочку свою.

Здесь, пылая лихо и азартно,
Красный день за красную черту
В прошлое былое безвозвратно
Уходил по красному мосту.

* * *

Витийствуй, буйная гроза,
Гни небеса в дугу!..
Сегодня я — твои глаза
На волжском берегу.

Горючей не жалея воды,
Греми над головой.
Сегодня я твой поводырь
И зрячий посох твой.

Держись, Самарская Лука,
Летим в тартарарам!
Моя надёжная рука
Порукой будем нам.

Блистайте, молнии, оплечь.
И ветер вольный, вей!..
Куётся в грозном горне меч
Для Родины моей.

Пускай летит во все концы
Над Божьим Миром весть:
Лихие злато-кузнецы
Ещё в России есть.

Во имя мира и любви
И на позор врагу,
Господь, меня благослови
На русском берегу!..

* * *

Взвыла бешено сирена.
Где-то заложили мину.
Господи! Какого хрена
Не живётся людям мирно.

Смерть всё время где-то рядом,
В каждый дом заходит в гости.
А в заряде у снаряда
Иисусовские гвозди.

Мы живём как на Голгофе.
Так всё это наболело.
Допиваю нервно кофе.
Озираюсь ошалело.

Сколько можно озираться?
Ну чего, скажите, ради
Этих грёбанных мерзавцев
На земле рожают ляди.

Невесёлая планида
У всемирного рассвета.
Смертным поясом шахида
Опоясана планета.

Во всемирной катастрофе
Все распутья как распятья...
Допиваю нервно кофе.
Озверели люди-братья.

В кулаки сжимаю горсти
От досады и обиды.
За окном рябины гроздь
В небосвод кровавый вбиты.

В мрачных пропастях вселенной
Мать-земля — большая мина.
Ну, какого людям хрена
Не живётся в мире мирно.

* * *

Зима ступает робко
В стихи мои и сны.
Засеребрилась тропка
Длиною до луны.

Забористый морозец
Сковал покров земли.
А я канатоходец
Межзвёздной колеи.

Присыпан снежной пылью,
В завьюженном пылу,
Раскинув руки-крылья,
Иду, скользя, во мглу.

Моей стезёй влюблённой
Петляет колея.
А лёд совсем зелёный —
Такой же как и я.

В зеленоглазых звёздах
Ночная тишина.
В зелёных искрах воздух.
Зелёная луна.

Река в хрустальных звонах.
Попал я, сам не свой,
В мир грёз своих зелёных,
Как в омут с головой.

Но мне уже не страшно
Загинуть под водой.
Такой я бесшабашный.
Такой я молодой.

Моя клубится тропка
По гибельному льду.
Зима ступает робко.
Не робко я иду.

Ночных небес колодец
В космической пыли.
А я канатоходец
Межзвёздной колеи.

Меня к тому крылечку
Выносит колея,
Где за хрустальной речкой
Живёт любовь моя.

* * *

Апрель.
Канитель.
Гололёд,
Все девушки дружат со мной.
Душа от восторга поёт
И воздух пропитан весной.

Не надо за счастьем бежать.
Лишь только шагнул за порог,
С двумя удалось полежать,
А третьей подняться помог.

Мой взгляд их внезапно сразил.
Такая вокруг кутерьма.
За хлебом пошёл в магазин
И напрочь свихнулся с ума.

В разгаре апрельского дня
Под птичий восторженный гам
Все женщины любят меня —
К моим припадают ногам.

Болит от ушиба плечо,
И кругом идёт голова.
Не помню, что было ещё.
До дома добрался едва.

Тряхнул, так сказать, сединой.
Рванул сквозь весну напролёт.
Все девочки дружат со мной.
Капель.
Акварель.
Гололёд.

* * *

Спой мне песню, свиристель —
Городской красавчик,
Как в жестокую метель
Заблудился мальчик.

Как ему ты навевал
Сладкую истому...
За собой зазывно звал,
Провожал до дому.

Белоснежная постель.
За окошком ветка.
А на ветке свиристель —
Шестиклинка кепка,

Грудь — горящий уголёк,
Стильная одежда...
Я тогда простыл и слёг —
Приболел немножко.

Ты меня сумел согреть.
Я, как мог, лечился —
Задушевно жить и петь
У тебя учился.

Я тебя уже люблю
За мечты-надежды.
И такие же куплю
Для себя одежды.

Под твою запел свирель,
Стал поэтом мальчик...
Ясноглазый свиристель,
Городской красавчик.

* * *

Я открыл дремучие глаза.
Прокатилась по щеке гроза.
А из пелены дремучих туч
Проскользнул последний летний луч.

Я проснулся рано поутру.
Осень закипает на ветру.
Роща лисья листьями бурлит.
Лето синим пламенем горит.

Сколько их — моих сгорело лет,
Не оставив за собою след.
Тёмная на озере вода.
Жизнь моя уходит в никуда.

Но в моей душе тревоги нет,
Потому что в небе есть просвет.
Луч бесстрашно рассекает тьму.
Роща аплодирует ему.

Я прижмусь к бесстрашному лучу
И его щекой пощекочу.
У меня шершавая щека.
— Друг мой, не печалуйся. Пока...

* * *

Мои стихи отважно шли под водку
В палящей летний полдень у реки.
Из газетёнки, развернув селёдку,
Их русские читали мужики.

Мои ещё непризнанные строчки
Старухи без особенных затей
Сворачивали в мелкие кулёчки
С гостинцами для маленьких детей.

Я не жалею, что мои подборки
Сгодились на душевные дела.
Для нужд народных в качестве обёртки
Газета приспособлена была.

Мои слова в житейском бурном море,
Встречавшие не раз девятый вал,
Служили тем лирическим героям,
С которыми я жизнь переживал.

Поэзии неистовая сила
Тащила тяжесть бренности земной.
И, может, потому моя Россия
Была тогда читающей страной.

* * *

1

Морена оттаяла —
Марина Цветаева!

2

Россия — оторвавшаяся льдина
От океанских ледовитых льдов,
Извечная судьбина и година
Сирот несчастных и суровых вдов.

И ты стоишь печальная на кромке
Стихов гремучих и дремучих снов,
А под ногами острые осколки
Земных и человеческих основ.

Неистовая, хрупкая горячка,
Уверовавшая в Божий Высший Дар.
Сцепились насмерть белая горячка
И красный полыхающий пожар.

Марина — ледовитая морена,
Залёгшая в глубинные слои.
Твоей судьбе и море по колено,
И все тебе чужие и свои.

* * *

Когда слышу в спину: «Жень!» —
Окликает детство.
Счастья полную сажень
Загребает сердце.

Визг щенячий пацанья.
Дружеская свалка.
Боже! Это не меня.
Господи! Как жалко.

Но в небесной глубине
Свет не убывает.
Отче! Это же ко мне
Ангел мой взывает.

* * *

Самолёт мой, кукурузник —
Мой небесный тарантас.
Почту сельскую погрузит,
А потом посадят нас.

Все уселись. Все на месте.
Бабка с рыжею козой
Животину трижды крестит,
Окропив её слезой.

Командир — пилот бесстрашный
С дерзким взором молодца
Говорит: «Не плачь, мамаша,
Всех доставлю до крыльца».

Бабка крестится и плачет.
Самолётик тарахтит.
Как кузнечик, он проскачет
И по небу полетит.

Улыбаясь, молча млеет
На борту народ живой.
А коза от счастья блеет
И качает головой.

До деревни нашей лёту
Ровно сорок пять минут.
Благодарные, пилоту
Пассажиры руку жмут.

За бесстрашье и сноровку,
За удачный перелёт.
А пилот козе морковку
Из планшета достаёт.

Бабка старая смеётся.
И беззубый крестит рот.
Над страной нашей солнце
Незакатное встаёт.

* * *

И левые, и правые,
И красные, и белые —
Вы мальчишки кровавые
И бесы озверелые.

Над Русью Божий витязь
На огненном коне.
А вы ей только снитесь
В её кошмарном сне.

* * *

Потерял я белого коня
И свои заветные полцарства.
Не судите, девочки, меня
За мои беспутные мытарства.

У меня ещё есть красный конь
И вторая половина царства.
Красный конь – безжалостный огонь.
Значит — для маневра есть пространство.

А ещё в запасе чёрный конь.
Им по жизни хвастать не пристало.
Чёрный конь, немного охолонь!
Просто твоё время не настало.

А пока мне песня по плечу
И за всё про всё одна расплата.
Я к своей любимой прилечу
На крыле багрового заката.

Привяжу крылатого коня
И верну утраченное царство.
Не ругай, зазнобушка, меня
За моё загульное мытарство.

Под Салтановкой, 1812 г.

Николай Раевский-старший
На французов в бой идёт.
Генерал — герой бесстрашный
Сыновей на смерть ведёт.

Потому, что эти дети,
Шалуны и драчуны,
Путь к победе на рассвете
Указать для всех должны.

Взявши за руки обоих,
Роковой связал судьбой.
И ведёт по полю боя
Полк пехотный за собой.

Он зовёт: «Солдаты-братцы,
За детьми идите вслед.
Одному из них семнадцать,
А другому десять лет.

Эти юные герои,
Я ручаюсь головой,
Путь в бессмертие откроют
Вашей славе боевой...»

Шквал французской батареи
Всё сметает на пути.
Смерть над полем брани реет.
И к врагу не подойти.

Высоко в небесном храме,
Приклонившись к алтарю,
В ноги Господу, как знамя,
Стелют ангелы зарю.

И кричит Раевский-младший,
Окликая Божью рать:
«Дайте знамя! В рукопашной
Я умею умирать!»

И встаёт открытой грудью
На врага пехотный полк.
И бурлит под гул орудий
Заревой знамённый шёлк.

Генерал по полю брани
Сыновей на смерть ведёт.
Он картечью вражьей ранен,
Но из боя не уйдёт.

Потому, что эти дети,
Эти кровники войны,
Путь к победе на рассвете
Указать и нам должны.

...Эти юные герои
Под Салтановкой в бою
Вознесли над ратным строем
Славу звонкую свою.

На Руси лихие были
Забияки-барчуки,
Но Отечество любили
И водили в бой полки.

Защитники Отечества

*...Есть упоение в бою
У мрачной бездны на краю...*

А.С. Пушкин

Защитники Отечества — поэты.
Хранители сердечного тепла.
Архангелы кладут, как эполеты,
На плечи им небесные крыла.

И воинство небесное готово
Вести извечный бесконечный бой.
И Веру, и Отечество, и Слово
Во мгле кромешной заслонить собой.

Всем воинам, в бою неравном павшим,
Стоять в небесном воинском строю.
А всем, стихов при жизни не читавшим,
Быть предстоит поэтами в раю.

Господь на золотые эполеты
Кладёт им негасимый горний свет...
Защитники Отечества — поэты!
Других у Бога не было и нет!

* * *

И жеребцы строптивые гнедые
Вздымались перед строем на дыбы.
И генералы были молодые —
Воители фортуны и судьбы.

И золотом блистали эполеты,
И кудри развевались на ветру.
И молодые дерзкие поэты
Им гимны воспевали на пиру.

И канули навек в пылу и дыме
Во мглу те золотые времена.
И генералы стали сплошь седыми,
И не звенят зазывно стремяна.

И потускнели крылья-эполеты,
В пыли музейной обрета приют...
И одряхлели дерзкие поэты,
И боевые гимны не поют.

Но верю я: грядут года иные,
И на седой отеческий редут
Прибудут генералы молодые,
И молодых поэтов приведут.

* * *

Семинар поэтов молодых —
Юных дней моих воспоминанье.
Бьют меня товарищи под дых,
Испытуя на излом дыханье.
Битым я не раз потом бывал.
И, пройдя суровую закалку,
Диафрагму натренировал,
Укрепил характер и дыхалку.
Выковал в себе бойцовский дух
И широкий непокорный выдох.
За меня дают сегодня двух
Стихотворцев, в драках не добитых.
Я шагаю, млечностью пыля.
Небеса мне — скатерть-самобранка.
За моей спиной — вся земля
И река разбойная — Татьяна.
Где, как тать, берёт меня в полон
Город Эн — фамильная обитель.
И сибирякам земной поклон
Шлёт один его исконный житель.
Предо мной — заснеженная мгла.
Завывает вьюга ошалело...
...Город Омск морозом добела
Раскалён до млечного предела.
Пролетел табун коней гнедых
Лет моих... И вновь меня встречает
Семинар поэтов молодых
Жадными горящими очами.
Соловьями критики поют...
Внемля им душою нараспашку,

Понимаю-чую: наших бьют!
Обсуждают Тихонова Сашку.
Сашка — поэтический юнец
Достославной песенной Сибири.
Рядом с ним сидит его отец —
Кулаки тяжёлые, как гири.
Отчего-то очень жутко мне,
Если он кого-нибудь ударит.
Хорошо, что никакой родне
Слова не дают на семинаре!
Я шепчу: «Сашок, держись, родной!
Даже если в драке будет жарко.
Город Тара за твоей спиной
И река искристая Аркарка.
И ещё — сибирская земля,
Что природной силою питает,
Где, небесной млечностью пыля,
Русская поэзия ступает...»

Ослик

Лихо дьявол танцует чечётку.
Мечет искры в кромешном аду.
Я пошлю его, рыжего, к чёрту
И другою дорогой пойду.
Той дорогой, что всеми забыта,
Где надрывно в лихую грозу
Не грохочут, а плачут копыта,
Вышибая из камня слезу.
И пускай обо мне скажут после,
Что он жизнь не ценил ни черта!..
И был глуп и упрям, словно ослик,
На себе вывозивший Христа.

* * *

Листобоем напролом
В дом вломившись спозаранку,
Осень за моим столом
Стелет скатерть-самобранку.

Ломит тучный каравай
И поводит томно бровью.
Говорит: «Отец, давай
Выпьем за твоё здоровье!»

— За здоровье! — я не прочь,
Хоть глаза твои — туманы,
Но к здоровью приторочь
Спирта полные стаканы.

Коли ты — родная мать,
Невзирая на погоду,
Гулевать так гулевать!
Разбавлять не будем воду.

На двоих с тобой вдвоём
Каравай судьбы разделим
И отчаянно споём
Колыбельную метелям.

Неспроста, не задарма
Нынче праздник в доме нашем.
А строптивая зима
За окошком пусть попляшет.

* * *

О Тютчеве стихи писал
В разгар грозы в начале мая.
А Тютчев небо сотрясал,
Мои стихи не понимая.

В лучистом небе голубом,
Как бы резвяся и играя,
Он на меня обрушил гром
И молнии метал из рая.

В чём я душою покривил
Перед тобой, могучий Тютче,
Что ты передо мной явил
Свой лик мрачнее грозной тучи?..

Поэзии Архистратиг,
Ты мечешь огненные мысли.
Чтоб грешный дольний мир постиг
Пылающие Божьи выси.

Пока ты буйствуешь в раю,
Грома небесные вздымая,
И я у бездны на краю
Люблю грозу в начале мая.

* * *

Не печалься обо мне, родня!
В этой жизни не было меня.
Был один протяжный грустный звук...
Да, как выдох, выпорхнул из рук.

Не страдай, любовь, судьбу кляня!
В этой жизни не было меня.
Был один весенний светлый луч...
Да растаял в сизом мраке туч.

Не жалейте, други, обо мне.
Я приснился вам в метельном сне,
Огоньком спасительным маня
В эту жизнь, где не было меня!

* * *

Нет победителей в бою,
Ведь каждый, кто убит,
Уверен, что к вратам в раю
Щит воинский прибит.

Нет побеждённых на войне
И проигравших нет,
Ведь каждый, кто сгорел в огне,
Сам обратился в свет.

Нет пострадавших на земле,
Ведь каждый, кто любил,
К щиту Господнему во мгле
Луч солнечный прибил.

Зарево любви

*Любезные мои башкирцы,
молодцы...*

М.И. Кутузов, 1812 г.

Онемели в рощах соловьи.
Томные оледенели лиры.
Над Парижем зарево любви
Запалили беркуты-башкиры.

Солнечные певчие лучи
Не мечтали о таком размахе.
На себя надели беркутчи
Белые башкирские рубахи.

Весь поход в подсумках у седла
Берегли одежду и мечтали,
Чтобы над чужбиной расцвела
Родина весенними цветами.

Никаким стихам не передать,
Как Париж влюблённостью лучился.
Ведь не зря науке побеждать
Беркутчи у беркута учился.

От альковной приторной тоски
Галльские обезумели дуры.
На Монмартре конные полки —
Северные снежные амурь.

Славные башкирские орлы!
В их глазах огонь любовный жарок.
По четыре огненных стрелы
В сердце у любой из парижанок.

По четыре пламенных стрелы
Достаёт башкирец из колчана,
Чтоб распался мрак бездонной мглы
И на сердце музыка звучала.

Две стрелы пускает он вдогон
На печаль и гибель иноземцев.
Обогнув шатровый небосклон,
Обе поражают вражье сердце.

Следом выпускает ещё две,
Добивая раненого галла,
Чтобы дрожь в кипящей тетиве
На ветру сквозном не остывала.

Как певуча лука тетива!
Это вам не струны слёзной лиры.
На любовь победную права
Предъявляют беркуты-башкиры.

В этом грешном мире лучше всех
Женщины возлюбленные знают,
За какой воинственный успех
Воинов в амуры посвящают.

И ведут лукавый давний спор
Древние башкирские аулы,
Почему же с тех победных пор
У французов каменные скулы?

Вроде не с уральских гор они
И совсем Башкирию не знают...
Почему же даже в наши дни
Так башкир они напоминают?

Жаны, Жаки, Жоржи и Луи...
Егеря, драгуны, кирасиры...
Смерть свою бесславную нашли
Под снегами жаркими России.

Конные башкирские стрелки
В битвах тыщи вёрст перепластали.
И распутным галлам вопреки
Мраморными ангелами стали.

Воина башкирского стрела,
Просвистев в имперском небе хмуром,
Францию от гибели спасла,
Став стрелой сердечною амура.

...Онемели в рощах соловьи.
Над Парижем замолчали лиры.
Запалили зарево любви
Любезары-беркуты-башкиры.

Любезар — любезный человек.
А поэт, в Отечество влюблённый,
Это слово пылкое, как снег,
Перевёл — любовью озарённый.

Далеко не каждому дано
Покорить любезностью французов.
Не на это ли в Бородино
Намекал башкирам граф Кутузов?..

Сура и Самара*

Две кровных сестры у Днепра —
Сбегают к нему с крутояра.
По правую руку — Сура,
По левую руку — Самара.

Негоже славянской родне
Рычать друг на друга, как волки.
Поклон тебе, батюшка Днепр,
От ласковой матушки Волги.

У древних истоков Руси
Парит неразлучная пара —
Сошедшие в мир с небеси
Притоки Сура и Самара.

Две красных славянских реки
Питают тебя, русский сокол,
Как крылья по обе руки,
Сура и Самара обопол**.

Главою налево клонюсь,
А сердцем склоняюсь направо
К тебе, моя Крестная Русь,
Моя вековечная слава.

Фортуна к поэту добра.
Её два Божественных дара —

* Сура и Самара — одноимённые притоки Днепра и Волги.

** Обопол — с двух сторон.

По левую руку — Сура,
По правую руку — Самара.

Родные мои земляки,
Исконные русичи-братцы,
У матушки Волги-реки
Сыны пензяки и самарцы.

Две кровных сестры у меня —
Красивая красная пара.
Моя золотая родня —
Притоки Сура и Самара.

Отец у меня был пензяк,
А мать из крестьянок самарских.
Не зря в моих жилах сквозят
Разбойные волжские сказки.

Живу я на Волге-реке.
Взираю на мир с крутояра.
Сура — в моей левой руке,
А в правой ладони — Самара.

Братки

Костерок у притихшей реки.
Птахи певчие в небе порхают.
Постреляли крутые братки,
А теперь по трудам отдыхают.

Постреляли таких же братков
Из чужой и непрошеной стаи...
Дух хмельных голубых васильков
В чистом небе блаженно витает.

Вожделенно дымят шашлыки.
Водка плещет ручьём быстротечным.
Поминают убитых братки,
Памятуя о Царствии вечном.

Уложили чужих и своих
Без суда и разбору, по пьяни.
Бог, прими души грешные их!
Все по жизни они христиане.

Не вини, не казни, не клейми
Воровскую блатную ораву.
А, как есть, всю её восприми,
Как воспринял убийцу-Варраву.

Ибо все они — эти и те —
Люди русские, кровные братья,
На соседнем с Иисусом кресте
Распахнули для мира объятья.

Не лишай их всевышней любви
И прощенья родного народа.
Ведь извечно по горло в крови
Восседает на троне свобода.

* * *

В этом мире Праздник Солнца
Миллиарды зим и лет.
И к чему ни прикоснёшься —
От всего исходит свет.

Тьму веков пронзает светом
Неба солнечная твердь.
И не надо быть поэтом,
Чтобы горний свет узреть.

Облаков льняная млечность.
Небо плещет синевой.
Перемалывает вечность
Солнца жернов огневой.

На поля, луга и ельник,
На полынь и бересклет
Бородатый сеет мельник
Негасимый Божий свет.

А в лучистом горне солнца
Для земных насущных треб
Божьей волею печётся
Золотой небесный хлеб.

Этот мир искрист и светел.
И блажен из века в век.
В этом мире, что он смертен,
Знает только человек.

Отчего ж стою печальный,
Светом солнечным сражён?
Оттого, что — гость случайный
Я на празднике чужом.

Шапка

Плывёт по Волге шапка,
Дивясь сама себе,
Раскачиваясь шатко,
Как будто при ходьбе.

Плывёт вдоль побережий
Угрюмых Жигулей.
Искрится мех медвежий
Рубинами на ней.

К воде её не клонит
Ни ветер, ни волна.
Плывёт себе, не тонет
Разбойная казна.

Сапфиры и агаты
Её венчают мех.
Усеяны богато.
Не счесть камней всех.

...Бывало, вдрызг штормила
Река в ненастный день.
А шапку лишь ломило
Волною набекрень.

Волна стеной вздымалась,
Грозя крутой бедой.
Но шапка не ломалась
Пред волжскою водой.

Стихия бушевала.
А шапка на волне,
Сияя, гарцевала,
Как всадник на коне...

Кипит-бурлит под шапкой
И пенится волна,
Как будто вострой шашкой
Разрублена она.

И пароход, и барку
Река теснит волной,
Чтоб обходили шапку
С поклоном стороной.

И люди, что помельче,
И важные тузы
Пред шапкой той при встрече
Ломают картузы.

Раскачиваясь шатко,
Как будто при ходьбе,
Плывёт по Волге шапка,
Дивясь сама себе.

Оглаживает холку
Речную Божий день.
Идёт хозяин Волги
В воде по шапку всклень.

А кто же тот хозяин?
Он из каких людей?
Известно, Стенька Разин —
Разбойник-лиходей.

По потаённым схрамам,
Утерянным на дне,
Идёт-бредёт с поклоном
К утопленной княжне.

Но пленница таится
От Стенькиной любви.
Горит во мгле денница.
...А шапка на крови.

Окликивает горы
Речного ветра гуд.
То тайные дозоры
Стан Стенькин стерегут.

Казачью перекличку
Разбойнички ведут.
И клич: «Сарынь на кичку!» —
Не позабыли тут.

Когда княжну-любаву
Степан себе вернёт,
Он волжскую заставу,
Как прежде, всколыхнёт.

Раскачиваясь шатко,
Прощальный путь торя,
Плывёт по Волге шапка —
Подарочек царя.

Молва смущает разум
Уже который век.
А кто не верит сказу —
Пропавший человек!

* * *

Читал мои стихи и плакал,
Печаль не в силах превозмочь.
Спать не давал своим собакам —
Стихами их травил всю ночь.

К утру его подушки взмокли.
Постель насквозь проволгла вся.
Собаки от волненья сдохли,
Печали не перенеся.

Он встал, шатаясь, словно пьяный,
Себя не помня, как в бреду.
Лопату взял, чтоб вырыть яму
И закопать собак в саду.

Хотел от горя застрелиться,
Припомнив все свои грехи.
Подумал и — решил напиться,
И больше не читать стихи.

Он пил полгода без закуски,
Устроив знатную гульбу.
Он был отважный новый русский,
А вот теперь лежит в гробу.

Как пошутила беспристрастно
Над ним насмешница-судьба...
Поэзия — небезопасна.
Помянем Божьего раба!

* * *

Ну, что, дружок, продрог?
Садись поближе к печке.
Буран в бараний рог
Согнул ветлу у речки.

Упрямый, как баран,
Таранит стёкла окон.
Осклабясь на буран,
Труба завывала волком.

Благословим судьбы
Звериные повадки.
Дым плещет из трубы.
А значит — мы в порядке.

Труба ревёт, как зверь.
А за родным порогом
Буран упёрся в дверь
Своим кручёным рогом.

Налей себе вина.
И мне по дружбе малость.
Буранная страна
В наследство нам досталась.

И ледяной таран
Нам от роду не страшен.
Пускай буран-баран
Под нашим боком пляшет.

Какая — к черту! — грусть?
Вино печаль развеет.

Заснеженная Русь
Сынов в объятьях греет.

Вино разгонит кровь
И сбросит с плеч усталость.
Буранная любовь
Нам к Родине досталась.

Стоит, как святой дух,
В бурном переулке
Небесный наш пастух
В своей бурной бурке.

Среди бурной тьмы
Рыдают колокольцы,
Чтоб не забыли мы,
Что мы Господни овцы.

Чтобы смогли найти
Тропу к своим истокам.
И с млечного пути
Не сбились ненароком.

В космической пыли
Клубится русский воздух.
В шестую часть земли
Упёрся божий посох.

Россия — Третий Рим.
Другого быть не может.
Крылатый Серафим
Целует посох Божий.

Взгляни, дружок, в окно:
Там небо стужу мелет
И млечное руно
России в ноги стелет.

* * *

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем.
И не сгинет Россия, покуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё —
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

* * *

Рванул из отчих берегов
К небесной славе.
А мне завистливых врагов
Своих оставил.

Мои враги — не слабаки.
Твои — покруче.
Мне отмахнуться не с руки.
Беру — до кучи!

Как твоему ученику
Куда мне деться?
Вторую подставлять щеку —
Не отвертеться!

Теперь по обе щёки бит,
Как по Писаньям.
И, может, стану знаменит
Врагов стараньем.

Отныне с двух идут сторон
Ко мне напасти...
Учитель, мой тебе поклон!
Спасибо, Мастер!

* * *

Закатилось за осинник лето.
Потемнело речки серебро,
Где, лучась, как звонкая монета,
Солнце становилось на ребро.

А теперь оно неярко светит —
Свечечкой рассеивает мрак.
И печально богомолка крестит
Солнышка копеечный кругляк.

Жители села и горожане!
Этот мир принадлежит не нам.
Все мы в этом мире прихожане
И зашли случайно в Божий храм.

* * *

Поговори со мной, ворона,
Про светлый день, про отчий край!
Тебя, племянницу Харона,
Архангелы не пустят в рай.

Всю жизнь обедами питаться,
Не нанося другим вреда.
И над рекой времён болтаться —
Туда-сюда, туда-сюда.

Кому-то с неба — Божья манна
И соловьиный райский сад.
А нам, скрежещущим гортанно,
Дороженька прямая в ад.

И хоть характером не робки,
Не застим мы судьбы ничьей.
Авось сгодимся для растопки
Вселенских пламенных печей.

Покуда райские ворота
От нас скрывает злая тьма,
Поговори со мной, ворона!
Не обижай меня, кума!

* * *

То было во время далёкое — оно,
Что скрыла от нас воронёная мгла:
На крыше Вероны сидела ворона.
Она театралкой заядлой была.

На фоне небесной кулисы потёртой
На площадках созвездий мерцали огни.
Весь мир был театром, все люди — актёры.
Спектакль для вороны давали они.

Взирала она неприкрыто надменно,
Как мрачный закат над Вероной аел.
Любила ворона красавца Ромео,
А он на неё и смотреть не хотел.

Воронья любовь не терпела обмана.
Она достигала небесных высот.
Летело на шляпу Ромео гуано,
На русском наречье — вороний помёт.

А как же ещё обратить ей внимание
На чувства высокой любви неземной,
Коль юное, милое, божье создание
В неведение мимо плывёт стороной?!

Прости меня, грешного, пылкая лира,
Что я обрекаю тебя на позор.
Но так поступают все женщины мира,
Когда отвергают их любящий взор.

Ромео влюблён был всем сердцем в Джульетту
И к ней обратил весь сердечный свой пыл...
...А позже трагедию пылкую эту
Шекспир через сердце своё пропустил.

Над ним пролетала в то время ворона
И в руки ему обронила перо...
Шекспир посмотрел на неё отстранённо,
Рукою махнул, улыбнулся хитро.

И пьесу спроворил о мрачной Вероне,
Стихами её опалив горячо.
Но, плут, умолчал о влюблённой вороне,
Как будто бы вовсе она ни при чём!

А люди, смятением любовным объаты,
Толпою на пьесу Шекспира идут...
Вот так беспардонно чужие таланты
Коварные гении подло крадут.

В те годы народец, к искусству причастный,
Был груб и жесток и душой, и умом.
Ворюг не таскал в полицейский участок,
А в бочке купал с перекисшим дерьмом.

Такая посуда в театре стояла,
На четверть заполнена смрадной водой...
И было охотников в зале немало
Пополнить её непотребной нуждой.

Шекспир избежал этой чаши позорной
Как видный писатель и знатный артист,
Хоть путь его к славе высокой народной
Был шибко печален и дюже тернист.

И всё же по смерти по воле Харона
Шекспир был отправлен в пылающий ад.
А что же ворона? На крыше Вероны
Надменно глядит на кровавый закат.

На том, завершив свой лирический опус,
Я в зал должен выплеснуть лаву сукна...
Но нищ был театр под названием «ГЛОБУС».
Отсутствовал занавес в те времена.

Шекспиру поставлен был памятник славный
Как добрая память потомкам о нём.
За что же ворона презренным гуано
Его поливает и ночью, и днём?

Ворона, как женщина, в жизни реальной
Всегда поступать, как желает, вольна.
Простим же вороне сей жест театральный,
Поскольку высокая птица она.

Вот тут и поставлена будет мной точка
В согласье с душою и трезвым умом.
...А вечная слава — прокисшая бочка,
Где люди поэтов мешают с дерьмом.

* * *

Вышел и бросил стихи на дорогу.
Видно, пришёл их черёд.
Или же чёрт на ходу сломит ногу.
Или же Бог подберёт.

Бог не торопится. Чёрт догоняет.
Всё же решился настичь.
Глазки прищурил, лукаво пеняет:
«Вы обронули кирпич.

Ежели так станет, походя, каждый
Всякий разбрасывать хлам...
А уверяли доверчивых граждан,
Что строить будете храм».

Господи! Что он ко мне привязался?
Я никогда не любил
Этих досужих, премудрых мерзавцев —
Парнокопытных дебил.

Боже, избави от этого срама.
Всем, чем могу, услужу.
В стену небесного вечного храма
Скромно кирпич возложу.

Пусть он в сверкающей кладке лучистой
Грозной восстанет стеной
Против пронырливой силы нечистой,
Этот кирпич именной.

* * *

Это дерево лежало
На пригорке до поры.
Это дерево сбежало
В параллельные миры.

По его древесной плоти
Было врезано в ребро
Дорогое имя «МОТЯ»,
Словно царское тавро.

Эту тёмную лесину
Дед на досточки расшил.
И в глухую домовину
Бабу Мотю уложил.

Обронил слезинку скупю.
И сказал: «Прощай-прости!
Вот тебе, Матрёна, ступа.
Бог — судья тебе. Лети...

Пусть земля во мгле согреет
Белы косточки твои.
Это дерево не тлеет.
Это дерево любви.

В райской куще золотистой,
В Божьем радужном саду
По зарубочке лучистой
Это дерево найду!

В его кроне негасимой
Не гнездилось вороньё.
Это дерево носило
Имя звонкое твоё.

Ты сама его сажала
В ранней юности, весной.
...Это дерево сбежало.
За тобою в мир иной».

* * *

Вячеславу Лютому

Покуда звуки лютни
Душе твоей слышны,
Нам никакие плутни
От веку не страшны.

А лютики-цветочки
Лазурно голубы,
Как ангельские очи
Неласковой судьбы.

И свет небесной сини
Не может нас не греть.
Пока жива Россия,
Согласно сердце петь.

Душа страдать согласна
И плакать, и любить...
А значит, не напрасно
Господь судил нам быть!

В жару и холод лютый,
Как ад крошечный чёрн,
Кровавой блудной смутой
Нас искушает чёрт.

Но никакие блудни
С пути нас не собьют,
Пока играют лютни
И лютики цветут.

* * *

О, эта русская рулетка —
Хмельная дикая тоска,
Когда стрелять не надо метко,
Поскольку дуло — у виска.

Поэты тянутся друг к другу,
Как и положено родне.
А муза мечется по кругу,
Как мотогогонщик по стене.

Есть в мире праведные вещи,
Когда свободный русский стих
По рожам без стеснения хлещет
Хмельных создателей своих.

Бледнеют дружеские лица.
Гордыня плещет через край...
Поэты, как самоубийцы,
Не попадут по смерти в рай.

Их круг сжимается всё уже...
Но будут и в посмертной мгле
Саморасстрелянные души
Смущать живущих на земле.

* * *

В этой роще нечистая сила,
А над нею кружит вороньё.
Эта роща темна, как могила, —
Не заглядывать лучше в неё.

В этой роще матёрые волки
Злобно воют и люто рычат.
И терзают нещадно за холки
Провинившихся малых волчат.

Пахнет сизый туман керосином...
В этой роще и в солнечный день
Меж ни в чём не повинных осинок
Промышляет иудина тень.

Рыщет в шкуре волчиной повсюду.
Человек, если встретится с ней,
Превратится в шишигу-Иуду
До конца своих пагубных дней.

В этой роще гнилое болото,
Где коварные кочки дымят.
Эта роща — лихие ворота
Для идущих безбожников в ад.

Эта роща дурманом объята
В сон клонящих, дурных родников.
Подрастут и зарежут волчата
Постаревших усталых волков.

А нечистая тёмная сила
Перед знаменьем крестным падёт.
А могила — на то и могила —
Если надо, она подождёт.

* * *

Когда ночь над московским Кремлём
Стелет ангелам Божьи полати,
Прилетает двуглавый орёл
И, нахохлясь, сидит у кровати.

Сиротливо он жмётся к плечу
И в две глотки протяжно вздыхает:
«Эх, соколик, давай прокачу!
Президент ничего не узнает.

Надоело висеть на гербе
За грехи человечьи распятым,
Вот и я прилепился к тебе,
Как старшой брат ко младшему брату.

Ты, какой-никакой, всё же — свой.
Кто ещё обо мне пожалеет?
Тяжело жить с одной головой,
А с двумя — и того тяжелее...»

«Не горюй! — я орлу говорю,
Заклячая по-братски в объятья. —
Ни за что я тебя не корю.
Завтра снова тебе на распятье.

На Руси, на спесивой Москве,
Испокон в головах паутина.
А одна голова или две —
Это Господу Богу едино...»

* * *

Говорю я ему: «Не клонись на зарю».
Только он почему-то не верит.
А известно давно: на земле к сентябрю
Сквозняками из космоса веет.

Что же ты понаделал, мой милый дружок?
Понакликал печальницу-осень.
Вот и тихую рощу за речкой поджёт,
Листья бьются со звонами оземь.

Небеса на подмогу теперь не зови.
Это пламя исходит из сердца.
Кто из нас не горел на высокой любви?
Все мы, все мы её погорельцы.

Не зальёшь это пламя небесной водой.
Тщетно ангел-хранитель твой плачет.
Я когда-то был тоже, как ты, молодой
И, как ты, думал тоже иначе.

И тебя этот пламень вселенский увлёт.
И твою красоту он схоронит.
Но не слышит меня молодой тополёк,
На зарю свою голову клонит.

* * *

Ты куда, душа, ходила?
С кем в чужом шалалась сне?
Ты опять, душа, блудила,
Словно кошка по весне.

В том краю тебя, блудницу,
Больше видеть не хотят.
Ты стихи в мою светлицу
Натакала, как котят.

Хватит их на многотомник.
Не проймёшь тебя никак.
Превратила дом в питомник,
Обратила жизнь в бардак.

Эвон сколько — разной масти...
Их топить не стану я.
Не в моей казнить их власти.
Бог, душа, тебе судья!

В суете ненастных буден
Сквозь безвременье и тьму
Выводить их, сирых, в люди
Предстоит мне одному.

И с меня Всевышний спросит,
Чья безгрешная рука
В них, сердечных, камень бросит
Иль нальёт им молока.

* * *

Дерзкая, как наваждение,
Эта сердечная боль.
Детское спецучреждение.
Бритый мальчишеский строй.

Радужность лозунгов муторных
Не обольщает мой взгляд.
В детской колонии утренник.
Шефский концерт для ребят.

Слушают дети внимательно.
Гордо звучит в тишине
Песня о Родине-матери,
Самой счастливой стране.

Той, что дорогою звёздною
В дальние дали зовёт.
И одинокой берёзою
На косогоре растёт.

Зорькою ясною светится.
Колосом зреет в полях.
И никогда не изверится
В горьких своих сыновьях.

* * *

В пору юности радужной вольной
Меня били, как селезня, влёт.
И кричали вослед: «Малахольный
Идиот, сумасброд, рифмоплёт...»

В тихой заводи брэнного мира
Не строчил я святых жития.
Ты прости, малахольная лира,
Что не слишком я холил тебя!

В чистом поле цвели незабудки
Вперемешку с травой полевой...
И бросались с небес мои утки
В тёмный омут любви с головой.

И вода расходилась кругами.
И вертелась кругами земля.
Где-то там, меж двумя берегами,
Заблудилась ты, юность моя!

...Я в иные просторы уехал
На свиданье с великой страной.
Ах, как громко разносится эхо,
Отражённое гладью речной!

Хоть душа и крылатая птица,
Только с горечью думаю я:
«Очень жаль, что нельзя возвратиться
На круги твои, юность моя!..»

Но, блуждая дорожкой окольной,
С необжитого берега шлёт
Всем живущим привет малахольный
Идиот, сумасброд, рифмоплёт.

* * *

Утопая в тумане по пояс,
Окружённый тайгой с двух сторон,
Динозавр — громыхающий поезд
С боку на бок швыряет вагон.

Будто этот состав бесколёсный.
Нету рельс. Только шпалы одни.
Замедляет он ход на откосах,
Чешуёй беспрестанно звенит.

И своим металлическим басом
Оглушает таёжный простор.
Кровяным воспалившимся глазом
Смотрит в вечность седую в упор.

Как в забытую богом пещеру,
Осторожно вползает в тоннель,
Где у входа на сопке замшелой
Притулилась горбатая ель.

Едут в поезде дерзкие толки,
Изнутри сотрясая вагон.
И вцепился я в верхнюю полку,
И ногою упёрся в плафон.

Карогоча, Магоча, Кувыкта.
Я таких не слыхал раньше слов.
Я, наверно, не скоро привыкну
К сотрясениям извечных основ.

А когда я уснул, успокоясь,
Мне приснился во сне динозавр.
Он сказал: «Не похож я на поезд.
Я похож на Казанский вокзал!»

* * *

Не знает странствующий снег,
В какие странствия пустился.
Ушёл хороший человек,
Ушёл навек и не простился.

Его осиротевший свет
Ко мне доверчиво прижался.
И кто теперь мне даст совет,
Как светом мне распоряжаться?

Забыв про ужин и ночлег,
Вдохнув в себя морозный воздух,
Ушёл из дому человек,
Ушёл и заблудился в звёздах.

Но, уходя, оставил свет.
И этот свет во мне не тает.
Не знает странствующий снег,
Кого он мне напоминает.

* * *

У сопки таёжный посёлок.
Сквозь облако светит луна,
Как будто уснувший лисёнок
В сияющем облаке сна.

Свернулся в клубок рыжеватый
И смотрит тревожные сны,
Которые спящим ребятам
С рождения сниться должны.

* * *

Прозрачный осенний покой
Сквозит меж стволами — в пробелах.
И, кажется, можно рукой
Достать до небесных пределов.

Такой бесконечный простор,
Что лучше за ветви держаться.
Ведь если взбежать на бугор,
То можно и в небо сорваться.

* * *

В стороне моей тихой, заветной,
Там, где пели в садах соловьи,
Протрубили осенние ветры
Хрипло в медные трубы свои.

Дом мой полон прозрачной печали.
Завершается дачный сезон.
Голубые вагоны умчали.
Тёмно-синий пришёл эшелон.

Уезжаю, но я не в убытке.
И тепло заготовлено впрок.
Тихо всхлипнули петли калитки,
И обиженно клацнул замок.

* * *

Опять сиротеют деревья.
Уже потемнели леса.
Ребята, не хлопайте дверью.
Зачем сотрясать небеса?

Колючий колышется воздух.
И хрупкая гаснет трава.
И падают звонкие звёзды
С небес чудакам в рукава.

Они их до времени прячут.
И ходят печально тихи.
Везёт чудакам!
А иначе
Откуда берутся стихи?

На тёплых ладонях поэта,
Как птицы ручные, гостят
Осколки небесного света.
И рвутся рубахи в локтях.

* * *

Укатил, уехал поезд,
Огоньки свои оставил.
И никто не вздрогнул даже,
И в окно не прокричал.
Крепко спали пассажиры.
Осуждать я их не вправе.
Потому что мы привыкли
Спать спокойно по ночам.

И конечно же не сразу
Обнаружилась пропажа.
И заплакал спящий мальчик.
И вздохнул старик во сне.
Но опять никто не вскрикнул.
И никто не вздрогнул даже.
И последний огонёчек
Промелькнул в ночном окне.

И на станцию другую
Прикатил наутро поезд.
И бравурно на перроне
Духовой играл оркестр.
Почему нам так приятно
Горевать и думать после?
И когда хорошим людям
Врать друг другу надоест?

Про меня

За окошком склон пологий.
За окошком я иду
По извилистой дороге,
Сам с собою не в ладу.

Серебрится свет в окошке.
Дым валит через трубу.
За забором прячьтесь, кошки,
Ненароком зашибу!

Как же так, постой, приятель,
Кто маячит в том окне?
За столом сидит писатель.
Книжку пишет обо мне.

Не везёт ему, бедняге.
Может быть, таланта нет.
Не выходит на бумаге
Им задуманный сюжет.

Я кричу ему: «Писатель,
Скоро я совсем уйду.
Не поймёт тебя читатель.
Брось ты эту ерунду.

Сочинять меня не надо.
Не старайся. Вот он — я!»
Мимо речки, мимо сада
Проплывает жизнь моя.

Только он меня не слышит.
Всё мрачней день ото дня,
Пишет, пишет, пишет, пишет,
Пишет книжку про меня.

Крестный ход

Мне снятся
Крестный ход
И мальчик невесёлый.
Ему десятый год,
А крест такой тяжёлый.
Хоругви за спиной
Плывут во мгле окрестной.
И горек край земной,
И сладок рай небесный.
А голос с небеси —
Суровая громада:
— Неси свой крест, неси,
Возлюбленное чадо.
И надо крест нести,
И горбиться под ношей.
Господь, его прости.
Я знаю: он хороший.
Вокруг клубится мрак.
Вся в рывтинах дорога.
Ему охота так
Пожить ещё немного.
Его терзает дрожь,
А крест такой тяжёлый...
Он на меня похож —
Тот мальчик невесёлый.
Зачем, являя мне
Моё изображение,
Он мучает во сне
Моё воображение?

Над ним моя звезда.
И никуда не деться...
От страшного суда
Нам с ним не отвертеться.
А мне десятый год.
А мне пожить бы надо.
В дали дрожит восход
Печально, как лампада.
Колышатся дымы
Над кровлями избёнок.
Народу тьмы и тьмы...

...А крест несёт ребёнок!

Холодец

На тарелках дрожит холодец.
От вина запотели рюмахи.
От Володьки уходит отец,
А Володька в нарядной рубаше.

На дворе ясный солнечный день,
И распахнуто настезь окошко.
За плечо перекинут ремень,
Но оглохла от горя гармошка.

Тётя Вера, Володькина мать,
Нарядившись в красивое платье,
Умоляет Володьку сыграть
На прощанье отходную бате.

И Володька играет отцу,
Он выводит колена такие,
Что текут у отца по лицу
Неподкупные слёзы мужские.

И отец говорит: «Молодец!
Будь разумным и слушайся маму».
На тарелках дрожит холодец,
Разделивший семейную драму.

И кричит тётя Вера: «Не тронь!
Откачнись. Не твоё это дело.
Забирай, если хочешь, гармонь.
Эта музыка нам надоела.

Не терзай понапрасну меня
И ребёнка не мучай напрасно!»
И дворовая вся ребятня
С возмущением этим согласна.

Переулком уходит отец,
Весь расхристанный, как после драки.
А не тронутый им холодец
Во дворе доедают собаки.

Артист

На вершине поднебесья
Мои юные лета
Сохраняют равновесье
Без страховки и шеста.

Непривычное томленье,
Недоступное уму.
Вход на это представленье
Не заказан никому.

Ни билетов, ни афиши —
Становись в любом ряду;
Это я по краю крыши,
Балансируя, иду.

Наш обычно сонный дворик
Погрузился в гам и свист.
И кричит нетрезвый дворник:
«Упадёшь — убью, артист!»

Не такой уж я отважный,
Чтоб без дрожи посмотреть
С высоты многоэтажной
И от страха не сомлеть.

Как я шёл по краю света,
Как прокладывал маршрут —
Пацаны потом про это
Мне с три короба наврут.

Только дворник наш болезный,
Опускаясь на скамью,
Проскрипит ногой железной,
Сплюнет в сторону мою.

Скажет: «Ты у нас придурок,
Что тут много говорить».
Но помятый свой окурок
Мне позволит докурить.

Флейта

Мальчик играет на флейте.
В сердце, как в небе, темно.
Виктор Сергеич, не лейте
Мимо стакана вино.

Девочка в розовом платье
Мальчику дарит цветы.
Виктор Сергеич, не плачьте,
Не омрачайте мечты.

Принадлежит это действо
Вовсе не Вам одному.
Добрая музыка детства
Мальчику светит тому.

Сеет небесный юпитер
Радужный ласковый свет.
Виктор Сергеич, не спите,
Не упустите момент.

Виктор Сергеич, не пейте.
Вас не спасает вино.
Мальчик играет на флейте.
В небо открыто окно.

Подвал

Он сказал: «Будем биться на кровь!»
Я вздохнул обречённо: «Согласен».
Он рассёк мою правую бровь.
Я в сердцах его губы расквасил.

Мы курили в подвале тайком,
Как солдаты в окопе, чинарик.
Он со мной поделился платком.
Я ему одолжил свой фонарик.

А потом, чтоб загладить вину,
Мы бутылку вина раздавили.
Хорошо, что принёс он одну.
Мы и так хороши уже были.

Он сказал: «Я домой не ходок!
Твой отец будет жить с моей мамкой».
У меня по спине холодок
Пробежал и застрял под лопаткой.

Я сказал: «Ты домой не ходи.
Мы проспимся с тобой в этой яме
На всю жизнь, что у нас впереди.
И проснёмся навеки друзьями».

Подорожная

Разыгралась шальная погода.
Туча слёзы лиловые льёт.
Воровская Воронья слободка
Забубённые песни поёт.

На железных скрипучих воротах
Гулко лязгнул тюремный замок.
Молодых воронят желторотых
Воронёный увёз «воронок».

По этапу нелёгкая ходка
И решёток стальной переплёт.
Воровская Воронья слободка
Передачу им в зону пришлёт.

В эшелоне столыпинском урки.
Над перроном дырявый навес.
И бравурно мелодию «Мурки»
Исполняет собачий оркестр.

У начальника хрипая глотка
И от ярости вывернут рот.
Провожает Воронья слободка
Воронят на казённый курорт.

Всё торжественно, как на параде.
Раскалённые рельсы дрожат.
И стоят паханы при наряде.
И хмельные шалавы визжат.

С ног не валит хвалёная водка.
Ворон ворону глаз не клюёт.
На ветру воровская слободка
Подорожную горькую пьёт.

Песня

Шёл по улице мужик,
Песню пел.
Как душа его лежит,
Так и пел.

Он мотив перевирал,
Путал слог.
И нещадно глотку драл —
Пел, как мог.

Пел, как жизнь свою сложил,
Однава.
Кто-то умный доложил
По 02.

Появился «воронок»,
Весь в пыли.
Мужика свалили с ног.
Замели.

Покачнулась тишина
И, сквозя,
Прошептала:
— Ну, страна!
Спеть нельзя!

Серафим

Серафим, поцелуй меня крепко,
Чтобы кровь проступила на лбу.
Где моя заливчатая кепка?
Почему я без кепки в гробу?

С непокрытой лежать головою
Обречён я навек за грехи.
Никому я уже не провою
Никакие на свете стихи.

Две печальные чайные розы
Положите в мой ласковый гроб.
Мать-земля, утирая мне слёзы,
Спросит: «Кто целовал тебя в лоб?»

Да один бедолага известный,
Потерявший душевный покой,
Со своей колокольни небесной
Мне махнул на прощанье рукой...

Не грусти. Всё ещё обойдётся.
Не гневи понапрасно беду.
Я-то знаю: он тут же вернётся,
Если вновь я на землю приду.

Благодетель ты мой шестикрылый,
Эта нежность твоя не к добру.
Серафим, не целуй меня, милый.
Я ещё постою на ветру!

* * *

Усни, моё горе! Пускай
Тебе моя радость приснится.
Во сне ты её приласкай.
И ей суждено будет сбыться.

Во сне ты её обогрей.
Тебе заступаться за слабых.
Ты, горе, добрей и мудрей
На стылых житейских ухабах.

Я вас разбужу поутру.
Я вас провожу за калитку.
И тысячу лет не умру,
Пока вы идёте в обнимку.

*Евразийский
большак*

* * *

Направо пойдёшь — меч булатный долой.
Налево — коня проворонишь.
А прямо пойдёшь — не вернёшься домой.
С плеч буйную голову сронишь.

Коней проворонил я целый табун.
С мечом не однажды прощался.
Бывало, домой я, беспечен и юн,
И без головы возвращался.

Но всё же не шибко в беде горевал.
Вне всяких сомнений и правил,
Коня наживал, меч булатный ковал
И буйную голову правил.

И хоть я давно не беспечен, не юн,
Но враг напрасно смеётся...
...Ещё попытаем тот камень-горюн,
Что русской судьбою зовётся.

* * *

Русский космос со дна океана
Салютует Вселенной во мгле.
Ничего, что душа окаянна.
Всё равно она ближе к земле.

Всё равно ей на небо дорога —
Голубицей вспорхнёт с алтаря.
Ведь земля на ладони у Бога,
Что держава на длани царя.

Русский космос — наш разум глубинный —
Неотлучно в тебе и во мне.
Пусть нас топят, как Китеж былинный...
Ничего, схоронимся на дне.

Нас теснят на небесной орбите.
Русский космос как ангел в пике.
Ничего, в тесноте не в обиде.
Всё равно мы у Бога в руке!

* * *

В городишке уездном
Я живу — не тужу...
По мерцающим безднам,
Как по лужам, хожу.

Высока и отвесна
Надо мной тишина...
Что для русского бездна?
Мать родная она!

Лист кленовый ложится,
Как ладонь, на плечо...
«До свиданья, дружище!
Будет встреча ещё!..»

Здесь, в родном захолустье,
Нестерпимо порой
Пахнет древнею Русью
И землёю сырой.

Как приятель любезный,
Дождь идёт по пятам...
Мир летит ещё в бездну.
Я — давно уже там.

«Что хорошего?» — спросят.
Никаких перемен!
Разве только что — осень
В тихом городе эН.

* * *

У палачей в почёте скоморохи.
Им скомороший по сердцу елей.
Чем больше скоморохов у эпохи —
Тем времена продажней и подлей.

Мир сотрясая низкими страстями
И наизнанку вывернув штаны,
Они гремят кровавыми костями
Растерзанной, раздавленной страны.

Не блещущие ни умом, ни сердцем,
Взяв публику в паскудный оборот,
В угоду извращённым иноземцам
В туземцев превращают наш народ.

* * *

Деревенька моя Лопатино —
Ни заборов здесь, ни оград.
Пахнет мёдом хмельная братина —
Почитай, в каждом доме — брат!

Как хлебнёшь с её — не спокаешься!
После первой избы — готов.
И идёшь-бредёшь, спотыкаешься
О сердечность своих братьев.

Сколько новых дворов настроено.
И у всех на меня права.
На семи киселях настоена
Моя кровная родова.

Там двоюрные, тут троюрные...
Почитай, человек за сто!
И повсюду объяття бурные,
И широкий крестьянский стол.

Постою-помолчу над речкою
Под седой ветлой в тишине.
Поклонюсь я земле отеческой
И радушной своей родне.

И за что мне такая дадена
Неизбывная красота —
Деревенька моя Лопатино,
Детства памятные места.

Далеко ль ещё до околицы?
Обойти всех не хватит дня...
Что ж, робяты, давай знакомиться,
Золотая моя родня!

* * *

Душа, тебя отбелят в морге
И в вольный выпустят полёт.
Но даже едкий запах хлорки
Мой русский дух не отобьёт.

Архангел громогласно ахнет,
Твердь сотрясая кулаком.
Опять в раю небесном пахнет
Паскудным русским кабаком.

Но вострепнётся Рать Святая
Во имя Господа Отца,
Не новобранца обретая,
А — смерть выдавшего бойца.

Такой сгодится в рукопашной.
Его учуешь за версту.
Пусть знают все, как пахнут наши:
Аж всем чертям невмоготу.

* * *

Проклянул землю лопушок
И сразу просится в стишок,
Своё тщеславье тешит.
Мой милый, ты лопочешь вздор!
Поэт — с большой дороги вор.
И, не моргнув, зарежет!

Так припечатает строкой,
Что выноси за упокой
Хоть со святыми вместе...
Уймись! И не просись в стихи!
В них не такие лопухи
Погинули без вести.

Пойми, любезный мой браток,
На всю страницу твой листок —
За ним стихов не видно.
Читатель никнет над стихом
И быть не хочет лопухом:
За Родину обидно!

Ну, что ты, юный мой дружок,
Мой лопухий лопушок,
Чуть что, так сразу злишься?
Протиснись как-нибудь в строку.
Всё ж прибыль нашему полку —
На закусь пригодишься.

* * *

Куда ты, Родина, куда
Спешишь день ото дня,
Когда сквозь пальцы, как вода,
Уходишь от меня?..

Всё меньше у меня в горсти
Твоих певучих вьюг...
Прости мне, Родина, прости,
Что так я худорук!

Я жил, как мог, тебя любя.
И только-то всего!
И — не прилипло от тебя
К ладоням ничего.

А то, что на моих руках
Узлы кровавых жил, —
Так ведь не в царских кабаках
Я их себе нажил.

Что перед Богом я скажу,
Когда придёт черёд?
А просто руки покажу —
Он всё по ним прочтёт.

И перед миром возвестит
Архангела труба:
То не вода была в горсти,
А Родины судьба.

Как негасимая звезда,
Струила ясный свет...
Куда ты, Родина, куда?
И — тишина в ответ.

* * *

Захирела зима, дала дубу,
Прошлогодний откинув снежок.
Ловко сгрёб её драную шубу
Старый цыган в дырявый мешок.

И попёр напрямки лёгким драпом
До Кудыкиной сизой горы,
Где цыганский оттаявший табор
У подножья раскинул шатры.

Но пока он шагал от крылечка —
Там, где допрежь дорожка была,
Ручеёчком цыганская речка
Из худого мешка натекла.

И гадали шальные девицы
На цыганский рисковый манер,
Чтоб из мутной весенней водицы
Подмигнул удалой кавалер.

Всё им блазнились в призрачном мраке
Тени жутких животных и птиц...
И брехали задорно собаки
На визжавших от страха девиц.

Старый цыган в пути не заметил
На распутице талых дорог,
Что он в табор родной только ветер,
Вольный ветер в мешке приволок.

— Ох и дурень! Какой же я дурень! —
Сокрушался он перед женой. —
Чтоб меня — да так лихо надули?!
Это только возможно весной!

* * *

В пламени январского мороза,
В ледяном пылающем костре
Старая корявая берёза
Повернулась в собственной коре.

Отвалилась от ствола короста.
Повалилась наземь береста.
И явился миру чёрный остов
В виде опалённого креста.

Вышел дед. Подправил крест немного,
Топором забористо звеня.
И сказал увесисто и строго:
«Здесь и похороните меня!..»

И никто не вспомнил в час помина,
Пока сам с собой соображал,
Что берёзу в честь рожденья сына
Добрый батька дедушкин сажал.

И выходит, прадед мой проворный
В назиданье внукам на века
Крест сообразил нерукотворный...
Да у внуков память коротка!..

Неизвестный поэт

Вместе ели и пили,
Схоронившись от жён...
В вашей братской могиле
Я себя не нашёл.

В вашем мире загробном
Я для вас не родня.
В мартирологе скорбном
Нет в помине меня.

Может, лишнего выпил
И сказал что не так?..
Я из времени выпал,
Как посмертный пятак.

Обо мне не жалейте.
Я вас должен жалеть.
Мне в похмельном бессмертье
С вами песен не петь!

Среди без вести павших
Погружаясь во тьму,
Антологии ваши
Я с собой не возьму.

* * *

Дождичек — калика перехожий —
Под моим окошком семенит.
Не иначе, как по воле Божьей
Жизнь мою печалью осенит.

Образ русской доли ненавязчивый,
Под окно сошедший с небеси...
Но сквозит меж струями знобящими
Горнее дыхание Руси.

Суждено и мне, однако, вскорости
Собирать в дорожную суму
Родины моей печали-хворости...
Разве же доверишь их кому?

И однажды светлым днём погожим
В Гефсиманском радужном саду
Я, как этот дождик перехожий,
Под окошком Господа пройду.

Бог мне скажет: «Не за-ради корысти
Ты явился... А в суме чего?..»
— Родины моей печали-хворости.
Разве их оставишь на кого?

* * *

Перед Всевышним грешен я.
И, может, оттого
Так зябко вертится земля
В глазнице у Него.

Песчинка малая, Ему
Она зрачок слезит...
И, может, так и потому
Из космоса сквозит.

Что наши суетные дни
Перед слезой одной?
О, Господи, не проморгни
Наш грешный мир земной!

* * *

Лопатино — сельцо родное бати...
Бывало, в детстве, хлипкого, меня
На хлебосольной струганой лопате
Сажала в печку бабушка моя.

Чтобы в моём мальчишьем теле хвором
Последний уголёчек не затух.
И обдавала квашеным рассолом,
Из тела изгоняя хворый дух.

И тёрла мыльной пеною солёной
Так, что душа пылала горячо...
Я выходил из печки раскалённой
Поджаристым и тёртым калачом.

Меня снимала с огненной лопаты
И выносила бабка на руке
С поклоном, словно в царские палаты,
В мир Божий на расшитом рушнике.

Я жадно сказки бабушкины слушал
И бабушкины кушал пироги.
И понял: не совсем был прав Ванюша,
Что не полез в печь бабушки Яги.

О, детство, ты льняной рушник крылатый!..
Пока на белом свете я живу,
Лопатино и хлебную лопату
Недаром милой Отчиной зову.

Пуcкай ты знаменитостью не стало,
Сельцо моё, но, волею судьбы,
Не на метле по небу ты летало,
А на земле лопатило свой хлеб.

* * *

Памяти Юрия Кузнецова

В долг давал без отдачи
На всю жизнь на мою.
Говорил: «Не иначе,
Разочтёмся в раю...»

Приказал жить стараться.
На вокзал указал.
Как до рая добраться,
Ничего не сказал.

Я до рая едва ли
Доберусь наугад...
На Казанском вокзале
Все дороженьки — в ад.

Поезд «триста весёлый»
Стоит на пути...
— Проводник, на которой
Остановке сойти?

Проводник виновато:
— Пассажир, вам куда?
— Мне до рая бы надо.
— Мы не ходим туда.

Этот пункт очень дальний.
Этот путь слишком крут.
В путевом расписанье
Не означен маршрут.

Вам до рая едва ли
Добрести наугад.
На Казанском вокзале
Все дороженьки — в ад.

...Пожелал жить стараться.
Головой покачал.
Как до рая добраться,
Проводник промолчал.

Поезд «триста весёлый» —
Железный лошак.
Тракт почтовый казённый —
Евразийский большак.

Пешим ходом иль конным?..
Боже, мне помоги!
По церковным иконам
Разношу я долги.

Ставлю свечи и плачу,
Жизнь иначу свою.
В долг даю без отдачи —
Разочтёмся в раю.

* * *

Нас было много на челне...

А.С. Пушкин

Когда российская земля
Во мгле не видит света,
Кого швыряют с корабля?
Опального поэта!

В чём грешная его вина,
Ответят вам едва ли.
Во все лихие времена
Так люди поступали.

«Он напророчил нам беду
И кораблекрушение.
Теперь гореть ему в аду
За это прегрешенье!...»

Корабль в морской зарылся грунт..
Идущие за нами
Во мгле поэта подберут,
Как брошенное знамя.

Чтобы однажды, в свой черёд,
Как прежде в оны-лета,
Опять швырнуть в пучину вод
Опального поэта.

Мой русский гений! Сколько раз,
Оборотясь на запад,
Как тормозящий ход балласт,
Тебя швыряли за борт.

Но не спасали корабля
В разгаре заварушки...
Опять пираты у руля
И не прочитан Пушкин.

Таможня

Бутылка первая порожня,
А для второй есть разговор.
Я говорю: «Как жизнь, таможня?» —
И на него гляжу в упор.

Он отвечает: «Жизнь — баланда!
Стаканом не переимать...
Стихи ведь тоже контрабанда.
Туды их в душу, богомать!

Хоть их рентгеном не просветишь
И не возьмёшь на ультразвук,
Но перед небом ты ответишь
За контрабанду, милый друг!

Душа — она голубка Божья,
Как на неё ни посмотри...
И есть небесная таможня.
Её попробуй обхитри!

Душа ни в чём не виновата,
Что, горемычная, она
У русского дурного мата
И у поэзии — одна!»

* * *

То ли страна у нас шибко большая,
Нам бы помельче?
То ли Америка — тётка чужая —
Любит нас крепче?

То, что в чужом саду яблоки слаще,
Знает и ящер.
Что ж она выбрала из всех пропащих —
Самых пропащих?

Может, она с демократии сверзлась,
Может, объелась,
Чтоб променять свою сытую серость
На нашу зверость?

Или её неразумные дети
Ей надоели?
Иль наши дурни дурней всех на свете
На самом деле?

Это за что же Америку сирую
Бог так обидел,
Чтоб россиянин да мать-Россию
Так ненавидел?!

* * *

Теплеет климат на планете.
Снег раскисает на земле.
Мир плачет о цветущем лете.
Я — об увянувшей зиме.

Один в миру, калика сирий,
Напротив мира я стою...
Да Бог с ним, с миром!
Я не с миром,
Я против мира слёзы лью.

Так Иисус, по крайней мере,
Встал против мира на земле...
Я не о вере, не о вере.
Я — об увянувшей зиме!

Не против ласкового солнца
Я все Божье имя рек.
Но без ядрёного морозца
Хлипчает русский человек.

Дух богатырский раскисает
И осаждается на дно.
А небо сиротливо висит,
Как обветшалое рядно.

* * *

Ладонь, протянутую к нам,
Слепец слезой скупую полнит.
Пятак на чёрный день — в карман.
Слезой с ладони — небо кормит.

Моя душа, ты вся в слезах
В который раз ко мне явилась...
Небось, опять на небесах
На чёрный день сбирала милость?!

Сказ

Вот и ковёр-самолёт,
И сапоги-сорокоходы...
Только душа не поёт:
Видно, ей мало свободы.

Пенная брага рекой.
Мёда хмельного колода.
А на душе непокой...
А на хрена ей свобода?

Вот тебе меч-кладенец.
Вот тебе небо в алмазах...
Экий ты ухарь-купец!
Вот навязался, зараза!

Вот тебе лыко в строку
И самобранка-скатёрка.
А сверх того, дураку,
На опохмелку пятёрка.

Что же ты мух ловишь ртом?
Что же ты медлишь с ответом?
Али во сне золотом
Слёзно не грезил об этом?

Глянул дурак в пустоту
И рубанул средь пирушки:
— За вековую мечту
Ты мне суёшь побрякушки.

Экий ты ухарь-купец!
Не продаётся такое.
...Вроде и сказу конец,
А на душе нет покоя!

* * *

Квартирка с кладбищенским видом.
Вдоль кладбища — микрорайон.
Я смог бы стать траурным гидом.
Я знаю, где кто погребён.

Какое надгробье по счёту.
Какая могила в ряду.
Все утром бегут на работу.
Я хмуро к окошку бреду.

В лицо всех покойников знаю
Без списка, по списку, с нуля...
Я их, бедолаг, поминаю,
Да будет им пухом земля!

И пью за помин без заминки.
Стакан не бывает сухим.
Не жизнь, а сплошные поминки.
Какие тут, к чёрту, стихи?

Писателей нет настоящих,
Чтоб выразить горести дня...
Вот так и сыграю я в ящик...
И чем тогда вспомнят меня?

* * *

Ему бы жить в железном веке —
Несовременный человек!
Железа столько в человеке —
На весь железный хватит век!

Он и во сне, скрипя протезом,
Штурмует вражью высоту,
Примкнувший всем своим железом
К железорудному пласту.

Не вышел он из боя толком.
Не понят он ни там, ни тут.
Его блуждающим осколком
Друзья погибшие зовут.

Ему, земному самородку,
Оплавленному там на треть,
Судьбой положено пить водку,
Чтоб на ветру не заржаветь.

Когда погибшие солдаты
Его возьмут к себе — всего,
Сломает клык свой экскаватор,
Окопчик роя для него.

* * *

Опять на гребне куража
Из мрака тленного телесного
Катапультирует душа
В объятия ангела небесного.

А он её через забор
Вновь возвращает мне из рая...
Вот так, как дети в волейбол,
Всю жизнь играем.

В коленках дрожь. В мозгах темно.
Заглазно черти строят рожки.
Мой ангел, не разбей окно
В глухой кладбищенской сторожке.

Мне посылай точнее пас,
Иначе проигрыш нам светит...
О, Господи, помилуй нас,
Поскольку все Твои мы дети!..

* * *

Была у меня Держава,
А я её пропил, тать!
Она на руках держала
Меня, как младенца мать.

Меня на коня сажала.
Хотела, чтоб храбрым был...
Любила меня Держава,
Да я её не любил.

Когда я от рук отбился,
Какая же был я мразь!
С державной дороги сбился
И мордой ударил в грязь.

Теперь вот в грязи и глине
Лежу я, свиньёй свинья.
Державу сожрали свиньи —
Такие же как и я.

Изгвазданный смрадным илом
С макушки до самых пят,
С продажным свинячьим рылом
Я лезу в калашный ряд.

В ответ, избочась лукаво,
Рыгочет орда дебил:
«Была у тебя Держава,
Да сам ты её сгубил!..»

* * *

Ах, какие девочки красивые!
В юности не встретил я таких.
Ах, какие мальчики счастливые,
Что такие девочки у них!

Ах, какая тоненькая талия
И прямая ровная спина!
Ножки, ручки, щёчки и так далее...
А при мне — сварливая жена.

Ох, уж эти женщины сварливые,
Что себя-то любят раз в году!
Ах, какие девочки красивые —
Дайте я хоть дух переведу.

Где ж вы были, мои очи ясные?
Как сумел я клюнуть на каргу?
Эх, вы мои мысли неотвязные —
Ни одной извилины в мозгу.

Кто сказал, что голова дырявая
Ни о чём на свете не болит,
Если даже дерево корявое
По весне, как колокол, бурлит?!

* * *

Лежит на печи Параскева
И слушает ветерный вой...
Давненько никто ниоткева
Её не зовёт на повой.

Что толку шептать на водицу,
Крестя троеперстием рот,
Когда не желает плодиться
Паскудный и подлый народ?..

Безбожные Божии твари —
Душа яко храм на крови.
А им душегуб-абортарий
Превыше всевышней любви.

Лежит на печи Параскева
И крестит трёхперстием рот.
А пламя небесного гнева
Окрест выжигает народ.

Горит золотая Московья!
Пылает — кричи не кричи!
Ну, что ж ты, Святая Прасковья,
Поленом лежишь на печи?

Бесхозные стынут повети
В родимом сиротском краю.
На свет не рождённые дети,
Как ангелы, плачут в раю.

* * *

Не сожалею я о том,
Чем был и что я есть...
Мой адрес — сумасшедший дом.
Палата номер шесть.

Народу — тараканья тьма.
А крикнешь — никого!
Уже и те сошли с ума,
Кто не имел его.

Свихнулся старший санитар
И посшибал замки.
Когда страна летит в тартар,
Все люди — дураки!

Врачи собрали, кто что смог, —
Ремни и простыни.
И прямоком рванули в морг:
Нужнее там они.

Один сплошной дурдом в стране.
Ни в чём порядка нет.
И доктор Чехов на стене
Свой позабыл портрет.

Где близоруко сквозь пенсне
На первом этаже
Он улыбается стране,
Которой нет уже.

Он здесь не нужен никому —
Сам у себя в гостях.
Но сумасшедшие ему
Усмешки не простят!

Перевернут лицом к стене
Болтаться на гвозде,
Чтоб он не видел, что в стране
Сплошной дурдом везде.

Прости их, Господи, прости!
И зла не поминай.
Ведь все блаженные пути
Ведут убогих в рай.

* * *

Дождик не просто траву поливает.
Он нашу жизнь к небесам пришивает.
Небо и землю, как две половинки,
Ангел сшивает на швейной машинке.

Чтоб на одном полотне мироздания
Соединились все Божьи создания.
И под Пречистым Всевидящим взором
Мир засиял полноцветным узором.

Чтобы какой-нибудь чуткий художник
Прямо под дождик поставил треножник.
И — перенёс на сырую холстину
Щедрого Божьего мира картину.

* * *

Дверь железная у входа.
Окна — кованый металл.
Вот желанная свобода,
О которой я мечтал!

За спиной засов подъездный
Выстрелом прогрохотал...
Вот он, занавес железный.
Тот, который я ругал.

Зря стучитесь, бедолаги!
Не открою никому.
Это мой особый лагерь.
Мой ГУЛАГ в моём дому.

Не ищите, мои дети,
Кто украл у вас страну...
Это я в железной клети
Срок пожизненный тяну.

Это я обрёл свободу...
Вот она — ни взять, ни дать!
И за это мне, уроду,
Век свободы не видеть!

* * *

Шибко в России темно.
Тьма государя пугает.
Царь прорубает окно —
Пушкин в окошко сигает.

Миру понять мудрено,
Как он из тьмы абиссинской
В русское наше окно
Прыгает солнцем российским?

Пушкинский солнечный свет
Хлынул на хляби и топи...
Это — наш русский ответ
Хмурой старухе-Европе.

Знал ли, стуча топором,
Царь, что имперское солнце
За иноземным бугром
Завистью злой отзовётся?

Плотник славянской глуши
Смел ли такое предвидеть,
Что светом русской души
Можно Европу обидеть?

Этот воинственный рус
Спесь европейцев порушил...
Плотницкий сын Иисус
К плотникам неравнодушен!

Старый ощерился свет
Волком на русские кочки.
...Пушкин как вольный поэт
Тоже сколачивал строчки.

Миру понять не дано,
Как через вольность поэта
Хлынула в наше окно
Воля Господнего света.

Сокол в небесной дали
Русский простор постигает...
Настежь окно, Натали!
Пушкин в Россию сигает.

* * *

Речка Татьяна...
Здесь лютые тати
С давних времён норовят обитать.
Не обижайтесь, сёстры и братья!
Я их потомок и, стало быть, тать.

В этом трагическом мире суровом
Вынес при жизни мне Бог приговор:
Я промышляю Божественным словом
И перед Господом, стало быть, вор.

Это не значит, что подорожали
Шансы на высший и праведный суд.
Просто стихи из небесной скрижали
Вечно поэты безбожно крадут.

Сам я такой — то гулянка, то пьянка.
Смертных грехов и Господь не сочтёт!
Если б не светлая речка Татьяна,
Что из небесной скрижали течёт...

Берегом Родины тяжко ступаю...
Может, хоть так отмолю я грехи —
Тем, что из речки разбойной черпаю,
Как из небесной скрижали, стихи.

* * *

Те — за Россию. И те — за Россию.
Все — за Россию... Кто — против? Никто!
Только Россию опять не спросили,
Хоть бы спросили: «А ты-то за что?»

Как про другую страну голосили.
Дышло им в глотку! Туды-растуды!
Те — за Россию. И те — за Россию.
Но — за другую! А нашу — куды?

Не обижайся Ты, Господи-Сыне!
Что-то никак я умом не пойму,
Где ТА Россия? В какой Палестине?
Энта, другая. А наша — кому?

Здесь благодать и зверью, и скотине,
Рыбе и птице с любой стороны...
Да и кому в той святой Палестине
Бедные русские люди нужны?

Предки мольбы к небесам возносили,
Слёзно кропили луга и поля...
И ни к чему нам другая Россия!
Нами намолена крепко своя.

* * *

Нет оправдания ни правым, ни левым.
Все мы погрязли в бесчестье и лжи.
Нас как потомков Адама и Евы
Бог не делил на своих и чужих.

Нет у Него ни случайных, ни лишних.
Не оттолкнул Он ещё никого.
Бог не делил на богатых и нищих,
А говорил: «Чти Отца своего!..»

Все мы подвластны житейскому блуду.
Грех омываем озёрами слёз.
Но и продавшего веру Иуду
На растерзанье не выдал Христос.

Или погибнем в разборках кровавых,
Или из пепла воспрянет страна.
Бог не делил нас на левых и правых.
Всех меж собой разделил сатана.

Молит Пречистая Дева Мария
Денно и ночью Иисуса Христа,
Чтобы восстала из праха Россия...
Всё остальное — мирская тщета.

Или утонем мы в дьявольских сквернах,
Или на грешной земле устоим...
Бог не делил нас на красных и белых.
Милостив Он ко всем чадам своим.

Что же молчите вы, добрые люди?
Или опять покоримся беде?
Все мы повинны. Безгрешных не будет
Перед Всевышним на Страшном Суде.

* * *

Молю Георгия Святого
Меня в его зачислить рать...
Мне после Юры Кузнецова
Уже не страшно помирать.

Могилы утлая траншея —
В иные измеренья лаз.
Без Кузнецова жить страшнее
Во много раз.

Как света Божьего защитник
В Георгиевский ратный строй
Посмертно Кузнецов зачислен..
Он и при жизни был там свой.

Не раз, бывало, к горним высям
Взмывал он на своём веку.
И был строкой своей приписан
Навечно к Высшему Полку.

Он ел свой горький хлеб не даром.
И был высоким, как атлант.
И величали Божьим даром
Его космический талант.

Но преклонял, случалось, плечи —
Чужую выправить строку.
И завязать шнурки покрепче
Строптивому ученику.

...Молю Георгия Святого
Меня зачислить в ту же рать...
Ведь надо после Кузнецова
Кому-то небо подпирать.

* * *

Она в честь любовника Вовкой
Домашнего пса нарекла,
Гордясь своей женской уловкой,
Как мужа легко провела.

А он в честь любовницы тайной,
В отместку лукавой жене,
Звал кошку тайваньскую Тайкой,
Чтоб не проколоться во сне.

Животные чуют мгновенно
Неладные в доме дела...
Хозяев двойная измена
Им в дружбе порукой была.

Супруги кичились уловкой —
Мол, нос не подточит комар!
А бедные Тайка и Вовка
Их жизнь превращали в кошмар.

Собака рычала зловеще,
С мужчинами хмурой была.
А кошка хозяйкины вещи
Когтями нещадно драла.

О счастье семейном в заботе
Мужик часто горькую пил.
И как-то на вольной охоте
Домашнего пса пристрелил.

А Тайку жена на рассвете
Тайком уходила в пруду...
Никто и не вспомнит на свете —
В каком это было году!

Народ не заметил потери...
А ведь упреждал этот мир,
Что люди коварней, чем звери,
Английский писатель Шекспир.

* * *

А над землёй родное солнце
Ласкает светом этажи.
А под землёй в гнилом колодце
Спят малолетние бомжи.

Луч, проскользнувший в щёлку люка,
Их нежно лижет по щекам.
Хоть жизнь — паскуднейшая сука,
И всё ж она добра к щенкам.

Беспечно русская синица
Поёт про Родину свою...
Что этим спящим детям снится
В их обворованном раю?

Быть может, импортная койка
Иль заграничная жратва?
Большая жирная помойка —
Столица Родины — Москва.

Покуда блеешь ты с похмелья
О материнстве и любви,
В глубоком мрачном подземелье
Спят дети сирые твои.

Пока придворные витии
С трибун возносят демократь,
Не нация и не Россия —
Канализация нам мать!

93-й

В. Rogovu

Как слов не выкинуть из песни,
Из памяти России всей
И — стадион от Красной Пресни,
И — кровью залитый бассейн.

И тех безвинно пострадавших —
Всех дочерей и сыновей.
И тех, без промаха стрелявших
В затылок Родине своей.

И тот октябрь 93-й,
И трупы на грузовиках...
Всех бедолаг безвестных этих,
Что в трюм свалили впопыхах.

И тех солдат, что водку пили
Потом на хлёстком сквозняке
За то, что с баржей утопили
Россию на Москве-реке.

Пока по городам и весям
Не вспомним безымянных всех,
Душа России не воскреснет,
Неся в себе столь тяжкий грех.

Экспромт

Парадным не тешился мнением.
Казённых похвал не искал.
Грозил не числом, а умением,
Как мудрый Суворов сказал.

Бывало, не к месту пел песни.
Случалось, молчал невпопад.
Но ни из-за лести и мести
Не ставил под строчками дат.

А чтоб некий критик заклятый,
Невзрачное вырвав словцо,
Какой-нибудь пошлою датой
Не тыкал России в лицо!

* * *

Этот город похож на тюрьму...
Сквозь узоры решётки надёжной
Он глядит в непроглядную тьму
С непроглядной тоскою острожной.

Из какого ни глянешь окна —
Закипает мурашками кожа.
За окошком — большая страна.
На тюрьму она шибко похожа.

Даже если окно твоё — в сад,
Соловьями шальными воспетый,
Всё едино: и сад — арестант,
В полосатую робу одетый.

Лязг скрипучий железный дверной
И дозорных собак перебранка...
Что с моей приключилось страной?
Русь моя, али ты арестантка?

И на сердце надсада, хоть вой,
Хоть весь мир обложи матерями.
И архангелов хмурый конвой
Ослепляет глаза фонарями.

Но из мрачной доносится тьмы
Чей-то глас: «Отрекаться не будем
Ни от Родины, ни от тюрьмы,
Потому что мы русские люди!..»

* * *

Лучшие дурочки мира
В нашем гуляют дворе...
Им ни к чему моя лира
В Богом забытой дыре.

Очи у них как фиалки.
Разве их чем удивишь?
Юные провинциалки,
Снится им город Париж!

Сны их уносят, как птицы,
Прочь от родимой земли,
Где длинноногие принцы
Стройные, как журавли.

Что там фиалки Монмартра?
Тоже заморская чужь!
Местные наши ребята,
Право, не хуже ничуть!

Сказочный принц или витязь
Должен быть в каждом краю...
Провинциалки, проснитесь!
Жизнь не проспите свою!

Я вам сыграю на лире
В этой вселенской дыре...
Лучшие мальчики в мире
В нашем гуляют дворе!

* * *

Блуждает отчий край во мгле,
Как раненый в бреду...
Чем меньше русских на земле,
Тем больше их в аду.

Аборигенам жарких стран
При жизни — райский свет.
А русский ад от жгучих ран
Похож на лазарет.

В нём непролазные снега
По горло, как бинты.
А кто ударится в бега,
Тому по гроб кранты.

А гроб, небось, не мягче нар,
А твёрже, может быть.
Чтоб даже мёртвым русский знал,
Как Родину любить!

Иному ангельская твердь
И светлый Божий лик.
А русскому и смерть не смерть.
На твёрдом спать привык!

* * *

Заневестились вешние вишни...
И сказал мне румяный блондин:
«Если бросишь писать свои вирши,
Тут же премию сразу дадим».

И хоть он и не первый писатель,
Но по местной колоде он туз,
Потому что как наш председатель
Возглавляет поместный Союз.

И уж тут ничего не попишешь.
Он над нами стоит во главе.
Есть, конечно, начальники выше,
Но они проживают в Москве.

А в столице — другие расклады.
С номинантами там перегруз.
И помочь бы провинции рады,
Да кивают на местный Союз.

Говорят: «Вы там сами с усами.
И бюро, и Литфонд, и печать...
И к тому ж ежегодно мы сами
Едем премии к вам получать...»

И хоть я не последний писатель,
А довольно известный в стране,
Только что-то особых симпатий
Не питает начальство ко мне.

Хорошо тебе, вешняя вишня,
Безоглядно ронять белый цвет.
У тебя председатель — Всевышний.
И других председателей нет!

* * *

Друзей не виню я ушедших,
Презревших мой бранный уют.
Всё больше вокруг сумасшедших
Во мне своего признают.

Увидят и — тянут ладони,
Как будто с небес благодать.
Но в бедном пустом моём доме
Им нечего даже подать.

Блаженные чистые лица.
В глазах — незакатная боль...
Чем с ними могу поделиться?
Я сам — перекатная голь!

Мы связаны общей судьбою.
К Господнему никнем лучу.
И я им сердечной любовью
За боль их святую плачу.

Для них моё сердце открыто
На этом промозглом веку...
А те, кому снится корыто,
Пусть в лавку идут к мяснику!

Легенда

Римские солдаты на посту
Видели, хотя и были пьяны,
Приходила кошка ко кресту
И Христу зализывала раны.

Презирая воинскую власть,
Псов, что на расправу шибко рьяны,
На Голгофу кошка поднялась
И Христу зализывала раны.

Кошка безбоязненно прошла
По Голгофской праведной дорожке...
Потому, когда на сердца мгла,
Люди говорят: «Скребутся кошки...»

Первой проложила кошка след
Грешным Божьим чадам во спасенье...
А потом уже пришёл рассвет.
А за ним пришло и Воскресенье.

* * *

Жена грозит разводом.
Дочь зыркает, как тать.
Ну, как с таким народом
Россию подымать?

Мои родные бабы,
На чьей вы стороне?
Подумали б хотя бы,
Как тяжело стране!

* * *

Из небесного Божьего рая
Я сбежал к тебе, милая Русь.
И, всю жизнь от любви умирая,
Вряд ли в рай после смерти вернусь.

Я согласен на смертные муки.
И сгорю на гееннском огне.
Но в посмертной суровой разлуке
Не хватать будет Родины мне.

В судный час со смиренным лобзаньем
В ножки Богу-Отцу повалюсь:
«Не спасеньем казни — наказаньем!
Вороти в ненаглядную Русь».

Повинюсь Богу-Духу Святому.
Богу-Сыну в слезах поклонюсь:
«Отпустите до отчего дому.
Возверните в любимую Русь».

Я согласен на смертные муки.
И сгорю на гееннском огне.
Но и в райской небесной разлуке
Не хватать будет Родины мне.

* * *

Небес взыскующее пламя.
Высь, отражённая в реке.
Русь разговаривает с нами
На материнском языке.

Так разговаривает млеком
Кормящая младенца мать...
И надо быть не человеком,
Чтобы её не понимать.

Дождями, облаками, снами...
Про наше кровное житьё
Русь разговаривает с нами...
Почто не слушаем её?

* * *

Катятся волны, каменья граня.
Бисер по берегу мечут.
Мелкие реченьки громко звенят.
Реки глубокие шепчут.

Что нашептала мне Волга моя?
Истины Божьи простые:
Для человека родные края
В жизни исконно святыя.

Где наша удаль — была не была?
Не оскудела покуда!
Волжские волны как колокола,
Полные грозного гуда.

Сколько покоится храмов на дне
Волжской стремнины раздольной!
Вот почему мне в её глубине
Слышится звон колокольный.

Русь вознеслась не единой Москвой...
Волжские вольные волны
То выводили набат вечевой,
То — величальные звоны.

Что приуныла, заволжская степь,
Локти воткнув в подоконья?..
Матушка-Волга — небесная крепь,
Русской души колокоल्या.

Авангардист

...неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу... майор Семичев едва не настигнул его (Пушкина) и вывел насильно из передовой цепи...

**Н.И. Ушаков,
14 июня 1829 года**

Неприятель атакует
Русские аванпосты...
Пушкин в Ставке. Он ликует.
Его помыслы чисты.

Бряцнув сабелькой турецкой,
На коня орлом вспорхнул.
Генерал-аншеф Раевский
Со щеки слезу смахнул.

На военной старой карте
Инжа-Су долина есть.
Пушкин в русском авангарде
Из поэтов первый здесь.

Где, скажите, Бога ради,
Был бы авангард сейчас,
Если б Пушкина в засаде
Храбрый Семичев не спас?

Из казачьего пикета
Выхватил с передовой
Гениального поэта
Друг старинный боевой.

Из одной походной кружки
На одной лихой войне
Пили Семичев и Пушкин.
Знали, черти, толк в вине!

Об истории реальной
Говорит седой Кавказ
Как о самой гениальной
Из всех пушкинских проказ.

Бранной славою повитый,
Презиравший пули свист,
Пушкин — самый именитый
На Руси авангардист.

* * *

Зари окровавленный меч
Лежит на скатёрочке млечной...
Катись, голова моя, с плеч
По этой дороженьке вечной!

По блюду небес через край
К познания запретному древу...
Закатишься яблоком в рай
Смущать простодушную Еву.

Привьёшься на ветку... А там
Змей-аспид колечками вьётся.
Придёт на свиданье Адам,
И Ева слезами зальётся.

А змей, на уловки горазд,
Чтоб горько не плакала дева,
Ей яблоко с ветки подаст —
Плод грешный запретного древа.

Но выйдет Господь им навстречь
И, вынув из огненных ножен
Зари окровавленный меч,
На млечную скатерть положит.

* * *

Забродила осень, словно брага.
Дух хмельной и в поле, и в лесу.
Пей, народ российский — бедолага!
Господа тебе не поднесут.

Непонятны им родные дали.
Не печалься, мой родимый край!
Нас с тобой, как липку, ободрали:
Налегке идти сподручней в рай.

Дни стоят ядрёные, как чарки.
И душа взывает: «Отхлебни!»
Будто Божьей милостью подарки,
Нам с тобой обещаны они.

Сами норовят уткнуться в руки.
Нешто оттолкнёшь их, абы как?
Пусть лакают буржуины-суки
Уксус в заграничных кабаках!

Он им отрыгнётся чёрной кровью
И срамной иудиной виной...
...Не вредит народному здоровью
Воздух русской осени хмельной.

* * *

Спит народ, как солдат на ходу,
Утомлённый в тяжёлом походе.
Сплю и я, но с народом иду.
И во сне остаюсь я в народе.

И во сне от него ни на шаг
Никуда я себя не пускаю.
Упираюсь в походный большак.
Мать-землицу ногами толкаю.

Запевалы охрипли. Храпят.
Командиров сморило истомой.
Спит народ, с головы и до пят
Убаюканный чуткою дремой.

Эй, взбрыкнувший во сне обормот,
Что кричишь о продажной свободе?
Видишь, спит утомлённый народ
На ходу, как солдаты в походе!

Спит служивый в строю человек.
Отдохнуть на ходу рад стараться.
Может, день, может, год, может, век...
Боже! Дай мужикам отоспаться!

Звёзды космос вселенский коптят.
Зорьки в небо всплывают и тают.
Мародёры-шакалы не спят.
Неусыпно народ обирают.

Но не рушится воинский строй
И на милость врагам не сдаётся...
Вот народ — богатырь и герой!
Берегитесь, когда он проснётся!

* * *

Боже святой, Боже правый,
Упаси мир грешный наш!
Дикий запад — жёлтый дьявол
Переплыл через Ла-Манш.

Он Святую Русь кровавит,
Яко лютый зверь во мгле.
И мохнатой лапой правит
Сатанинский бал в Кремле.

Иноземный змий лукавый
Русь берёт на абордаж.
Дикий запад — жёлтый дьявол
Переплыл через Ла-Манш.

Ненасытный гад заклятый,
Он Руси пророчит крах —
Кровожадный алигатор —
Толстокожий олигарх.

* * *

Когда зацветает подснежник
В оттаявших русских снегах,
Мир грезит о юных и нежных,
Своих безмятежных годах.

Искрится весёлая стайка
Лиловых небесных цветов.
В душе просыпается тайна...
И я к этой тайне готов!

Лучи к моему изголовью
Кладёт ворожейка-весна.
А тайна сердечной любовью
Зовётся во все времена.

Недаром цветок этот вешний
На стылой лужайке пророс
Из чистых искристых безгрешных —
Оброненных ангелом слёз.

Для милой, любимой и нежной
Несу я лиловый букет
Из сумрачной замяти снежной —
От вешнего неба привет.

В просторах промозглых безбрежных
В восторге, почти не дыша,
Трепещет, как юный подснежник,
Обретшая небо душа.

* * *

Месяц плывёт молодой
Мимо окошка доверчиво...
Каждая лужа звездой
Высшей небесной увенчана.

Каждый земной водоём
Орденом высшим пожалован.
Сколько брильянтов на нём
Бог сыпанул — не пожадывал.

В наших краях и чужих
Видел картину я схожую.
Щедрость правительств земных
Меркнет пред милостью Божией.

Реки, деревья, поля —
Не пропадём мы в безвестии.
Наша планета Земля
В Божие входит созвездие.

Где бы я ни был — везде,
Жизнь принимаю с отрадою:
К Божьей представлен звезде,
Высшей отмечен наградою.

Только и всего

Только и всего

В том, что меня не замечали,
Давно уж нет моей печали.

Чего ж теперь кичиться этим?
Забудем!
Только и всего...

Старик Державин бы заметил,
Да рядом не было его.

Падежи

Возьмите
Именительный,
Родительный
И дательный,
Предложный
И винительный...

И никаких надежд!

Оставьте мне
Гонительный,
Губительный,
Рыдательный,
Мой самый удивительный
ТВОРИТЕЛЬНЫЙ
Падеж.

* * *

И стены, и вещи чужие
В глазах твоих зябко дрожат.
Не мы их с тобою нажили.
Не нам они принадлежат.

Твоей сердобольной подружке
Лишь запах моих сигарет,
Затерянный в складках подушки,
Как горького счастья привет.

Ничем себя больше не выдам,
Покинув чужое жильё.
Пройду с независимым видом
По улице мимо неё.

И пусть она взгляд свой не прячет
От глаз неповинных твоих.
И, если сумеет, поплачет
О нас и за нас, за двоих.

Признание

Я тебя забыл у тихой речки,
Где туман густой, как молоко.
Ты сидела на родном крылечке
И смотрела, молча, далеко.

А когда я о тебе вдруг вспомнил
И подумал: «Время-то бежит», —
В памяти моей пробел восполнил
Бородатый кряжистый мужик.

Он возник на стареньком крылечке.
И, узнав, что я издалека,
Дымные выплёвывал колечки
В сизые парные облака.

Долго в бороде кудлатой шарил,
Но признание всё-таки добыл.
Он сказал: «Вали отсюда, парень!
Ничего ты здесь не позабыл».

Лариса

Захламлённая сцена.
Побитая молью кулиса.
Неухоженный мальчик,
Затравленный, словно зверёк.

И была травестюха.
Красивое имя — Лариса.
Та, которую он
Называл почему-то «Ларёк».

И её поцелуй
Среди пыльных глухих декораций.
Запах женского тела
И шорох мышиной возни...

Вздох глубокий, как пауза,
После которой оваций
Не должно быть и не было.
И не к чему здесь они.

Тихо звякнула мелочь
В пустом нерадивом кармане.
И сомкнулись две тени,
И дрогнул юпитера свет.

Всё как в самом плохом,
Тривиальном и скучном романе:
Тряпки, склоки, посуда.
А жизни-то, собственно, нет!

Почему же так рьяно
Склоняется сердце к припадку
И беда поспешает
Вослед за другою бедой?

И печаль свою давнюю —
Тёмную эту лошадку —
Я опять называю
Своей негасимой звездой.

Ящер

Был он скуп на обещанья
И посулы не любил.
Расставаясь, на прощанье
Её слёзы пригубил.

Неуклюжий, будто ящер,
Шумно двигал кадыком.
И смахнул с ресниц дрожащих
Её слёзы языком.

Стиснул зябкими плечами.
Ничего не говорил.
Не моргнув, её печали
Невзначай удочерил.

И она его уныло
Проводила за порог.
А потом крылечко мыла,
Чтоб вернуться он не смог.

* * *

Сначала я облаком малым
Беспечно парил в вышине.
Потом предрассветным туманом
Блуждал по родной стороне.

Я жил словно ветер и волны,
Сливаясь с родной тишиной.
И были мной люди довольны.
И звери дружили со мной.

А это — ни много ни мало,
И мне подфартило потом...
Иначе бы как меня мама
Нашла под капустным листом?

* * *

Над платформой «Липяги»
Небосвода млечный омут.
От платформы «Липяги»
Два шага к родному дому.

Еле слышный плеск травы.
Встречных фар слепящий сполох.
Под шумок среди листвы
Ветерок наводит шорох.

По тропиночке пройду
Осторожно, не без риска.
Не задеть бы лбом звезду:
Наклонилось небо низко.

Опустилось до земли.
Преисполнено доверья,
Чтобы сквозь него росли
Люди, звери и деревья.

* * *

Собаке снится речка, не иначе...
Вот почему, вздымаясь среди сна,
Колышется ребристо грудь собачья —
Как за волной вздымается волна.

А лодке снится, что она собака,
Прикованная к берегу реки.
И вздрагивают волны среди мрака,
Как вздрагивают спящие щенки.

А человеку снится: гибнут люди,
И нету сил скрываться взаперти.
И человек встаёт, собаку будит,
Спускает лодку на воду с цепи.

И человек, собака, лодка, речка
В ночной и беспокойной тишине
Плывут куда-то по стремнине млечной...
А может, это всё приснилось мне?..

* * *

Сад мой затаился, замер.
Накренился небосвод.
Тихо, как в стационаре,
Где больные ждут обход.

И стою я, виноватый.
И уйти неловко мне,
Будто я попал в палату
К тяжело больной родне.

И расспросы про здоровье
Отлетают с дымом прочь.
И различны группы крови.
И ничем нельзя помочь.

Невесёлое свиданье.
И стою я сам не свой.
И одно лишь оправданье —
Белый снег над головой.

* * *

Снег спускался с небес осторожно,
И летел,

И летел,

И летел...

И стоял среди снега прохожий,
И растерянно в небо глядел.

Может, просто в ночи заблудился.
Может, с верного сбился пути.
Или только что с неба спустился
И забыл, куда дальше идти.

* * *

Примеряет заяц шубу.
Ночью выпал первый снег.
Сколько шума,
Сколько шума,
Сколько радости для всех.

Как преобразились лица,
Отражая белый свет.
Разрешенья на убийства
Выдаёт охотовед.

У оврага след петляет.
Пёс, почуяв след, дрожит.
Заяц шубу примеряет.
Заяц жизнью дорожит.

* * *

Ты глядишь на меня исподлобья.
Может, думаешь, не устою.
И рубаха забрызгана кровью,
Словно мы на кулачном бою.

Я сутулясь стою против света.
И прибит под ногами снежок.
Ничего в этом страшного нету,
Что твой взгляд мои щёки обжёт.

Знаешь, дело моё молодое —
Я не робкий, могу дать отпор,
Ведь недаром к горячей ладони
Прикипел рукояткой топор.

А свои озорные угрозы
Ты для малых детей сбереги.
Может, завтра ударят морозы.
Лучше дров наколоть помоги.

Не гляди на меня исподлобья.
Ничего в этом страшного нет.
Всё равно не поссорюсь с тобою,
Мой холодный декабрьский рассвет!

* * *

Старая лошадь устала.
Сколько тащить можно воз?
Фыркнула шумно и встала
Среди полумночных звёзд.

Звёзды и справа, и слева.
Тихо в полумночной мгле.
Лошадь стоит среди неба
На вековечной земле.

Прядает чутко ушами,
Нервно мундштук теребя,
Что-то такое решает
В мыслях своих про себя.

Небу согласно кивая,
Дышит она тяжело.
Что это вдруг, ломовая,
В небо тебя занесло?

Тихая, как на пороге
Жизни иной, неземной,
Лошадь стоит на дороге
Пыльной, ковыльной, степной.

* * *

Солнце макушкой покатою
Поцеловало зенит.
Бродит по роще сохатый.
Роща от света звенит.

В роще просторно от света.
Голову в заросли прячь!
Держит ноздрю против ветра
Широкогрудый рогач.

Жжёным не пахнет железом
Тёплый смолистый настой,
И под небесным навесом
Солнечный шар золотой!

В небо впадает дорога,
Тает в доверчивой мгле.
Как всё же надо немного...
Только бы жить на земле!..

* * *

— Серебристая дорожка,
Ты куда, куда, куда?

— Я туда, где над окошком
Одинокая звезда.
Я туда, где вечер синий
Рассыпает синий звон
И от запаха полыни
Воздух горек и хмелён.
Там тесовое крылечко
И тесовая скамья.
Я туда.
Я недалечко.
Я туда, где ты да я,
И крапива у порожка,
И печальный свет в окне...

— Серебристая дорожка,
Ты к другому, не ко мне.
Поросло быльё бурьяном.
Там меня давно уж нет.
Там живёт хороший малый.
Передай ему привет.

* * *

Мой ангел, не вечно сиротство!
Утри свои слёзы скорей.
Душа моя в небо вернётся
И матерью будет твоей.

Она тебя крепко обнимет.
Мы все перед небом — родня.
Она тебе даст моё имя
И будет любить, как меня.

* * *

Где же тот мальчик ушастый?
Нет его в нашем дому.
Сколько по свету ни шастай,
Не возвратишься к нему.

Вот он в сиреновой дымке
Горьких моих сигарет.
Вот он на выцветшем снимке.
Сколько ему было лет?

Стынет родное крылечко.
В небе озябла звезда.
Спала с лица наша речка.
И ни при чём тут года.

Был я намного моложе.
Как я его уважал?
Были во всём мы похожи.
Что же я уши прижал.

* * *

Простужусь, охрипну, заболею,
Погляжу на всё со стороны.
Золотое детство пожалею,
Нет ему, родимому, цены.

Буду тихо радоваться мёду
И сироп малиновый поплю,
Ощущая сладкую свободу,
Веря в независимость свою.

Почитаю книжки на досуге,
Только те, которые хочу.
Помечтаю о хорошем друге.
Сам с собой о жизни помолчу.

Принесут домашние в корзинке
Чудо-фрукты солнечной земли,
Выторгуют, выкупят на рынке
Втридорога лето у зимы.

С завистью мои же одноклашки
После школы будут заходить.
Будут одобрять мои замашки
Будут мне стараться угодить.

Потерплю пилюлю и уколы.
И, как жить, у жизни поучусь.
Хоть немного отдохну от школы.
Хоть ума немного наберусь.

* * *

У крылечка мечется подранок:
У него одно крыло подбито.
У меня характер не подарок.
И физиономия бандита.

Я стою, угрюмый, после драки.
Я, как мог, отчаянно рубился.
Я не понял, где ночуют раки.
И чего хотел, того добился.

У меня синяк под левым глазом.
Мне немножко поразмяли кости.
У меня заходит ум за разум
От несправедливости и злости.

Мне не жалко новую рубаху,
Потому что драться не умею.
Жалко покалеченную птаху.
Жалко, что я драться не умею.

Я в своих желаниях не волен.
Не с кем даже горем поделиться.
Если человек один не воин,
Помогай, израненная птица.

Ты одна теперь мне — оправданье.
Ты одна мне — ясный свет в окошке.
Нам с тобой «Самарские страдания»
Мой сосед сыграет на гармошке.

* * *

Не ждали, не думали — нате! —
И школа, и двор, и семья.
Огнём выжигаю на парте
Горячее имя Ея.

И каждая буковка в слове
Во мне распаляет азарт.
И весь я пылаю любовью.
И нет мне дороги назад.

Сверкающий увеличитель —
Весеннего солнца стило.
Простите, товарищ учитель,
Что я причиняю вам зло.

Не смог я успехов добиться
На ваших уроках письма.
Но, чтобы безумно влюбиться,
Мне всё же хватило ума.

* * *

Целуемся с тобой в подъезде,
На целый белый свет одни.
Спасибо всем твоим соседям
За то, что крепко спят они.

За то, что нас они не слышат, —
Мы не мешаем никому.
Ваш дворник подметать не вышел —
Ну что ж, спасибо и ему.

Хотя и не за что, конечно,
Но пусть его жильцы простят,
Поскольку он вчера, сердечный,
Немного перебрал в гостях.

Спасибо, утренняя почта,
Что не спешишь к нам в выходной.
Ещё спасибо всем за то, что
Моя любимая со мной.

* * *

Я замираю виновато,
Когда, запав в твои зрачки,
Как в стёклышках иллюминаторов,
Мои дробятся двойники.

И затихаю я от боли,
Когда, во всём меня виня,
Они, задумчивые, двое
Глядят на третьего, меня.

Прошу, пожалуйста, не смейся.
Но больше лгать я не могу.
Им плыть и плыть с тобою вместе,
А мне стоять на берегу.

* * *

В нашей разноликой коммуналке
У детей особые права.
У трёхлетней белобрысой Янки
Можно на стихи занять слова.

Человечек, маленький и слабый,
Чёлочку свою смахнёт со лба;
Выдаст слово звонкое на славу —
Янка в этом деле не слаба.

Ничего не стоит человечку,
Светлому, как струйка ручейка,
В мутную мою вливаться речку...
Янка в этом смысле велика.

Только ткнётся личиком в ладони,
Грубые шершавые мои.
И они серебряной ладьёю
Проплывают по морю любви.

* * *

Вы меня уже не вспомните.
Но зачем и для чего
Моё сердце грустью полните,
Надрываете его?

Не коснувшись вашей памяти,
Я горю в её огне.
Вы живёте и не знаете,
Что живёте вы во мне.

Приложила все старания
Ваша новая родня.
Но она не в состоянии
Увести вас из меня.

Вы меня уже не вспомните.
Но порой, от всех тайком,
Грустно в зеркало посмотрите
И вздохнёте ни о ком.

И опять себя обманите.
И невинно, как итог,
Только в зеркале да в памяти
Растворится этот вздох.

* * *

Ходит голубь по карнизу.
Этот местный старожил
На мою соседку Лизу
Глаз горящий положил.

Прикормили хлебной крошкой.
Разучился он летать.
Научился под окошком
Дни и ночи коротать.

«У него не глаз, а лазер, —
Говорит сосед Кузьма, —
Он мою супругу сглазил
И меня сведёт с ума.

Это же не бабье дело —
У окна сидеть в тоске,
Словно пресвятая дева,
И вздыхать о голубке».

И ругает птицу Кузя,
И грозит ей кулаком.
И торчат лопатки куце —
Крылышки под пиджаком.

Ходит голубь по карнизу,
Прижимается к стене.
А мою соседку Лизу
Почему-то жалко мне.

* * *

Опять дождевые плащи
Сограждане века надели.
И плотно сомкнули дожди
Свои дождевые тоннели.

И мир сотрясается так
В неярких проёмах оконных,
Как будто летящий состав
Считает на стыках вагоны.

Всё больше серьёзный народ
Торопится в командировки.
И сдвинуто время вперёд.
И сокращены остановки.

И тени темней и длинней.
И больше вагонов товарных.
И плотность грохочущих дней
Сжимает мне сердце коварно.

Всё больше серьёзный народ
Царит на просторах дорожных.
Пора неотложных забот
И гулких ночных «неотложек».

* * *

Человек упал среди дороги:
Ненароком сердце повело.
Сколько же печали и тревоги
У него от сердца отлегло.

Человек упал среди России,
Будто поскользнулся на бегу.
Огненно пылали апельсины,
Как осколки сердца, на снегу.

Человек упал среди планеты.
Навалилось небо на него.
Сколько ослепительного света
Навалилось вдруг на одного...

Гражданин, столице неизвестный,
Посреди отечества упал.
Он в московской очереди тесной
Детям апельсины покупал.

* * *

Как из дикого смертного боя
Уцелевший усталый боец,
Выходил из крутого запоя
Почерневший Серёжкин отец.

И, терпя непосильную муку,
Паренёк, неокрепший ещё,
Под шальную отцовскую руку
Подставлял неумело плечо.

Шли глухим коридором барака
На ступеньки родного крыльца.
И упрямо Серёжка не плакал,
Чтоб в беде не обидеть отца.

И отчества светлые дали
Открывались мальцу впереди.
И рыдали, рыдали медали
На широкой отцовской груди.

Егерь

Ночью он продирался сквозь пекло,
Вёл отчаянно злую войну,
Где хватало и горя, и пепла
И на жизнь, и на смерть не одну.

В чаще были матёрые волки.
Пёс надсадно скулил во дворе.
А в груди шевелились осколки,
Как шевелятся угли в костре.

И наутро, исполненный веры,
Он, безумствуя, лез на рожон.
И старались тайком браконьеры
Обойти заповедный кордон.

Люди, звери, равнины и чащи...
Не делил он земное родство.
И недаром вздохнуло начальство
Возле красного гроба его.

* * *

И снится Петрову жена
Покойная снова и снова...
И, странное дело, она
Во сне и жива, и здорова.

И, странное дело, она
Во сне молода и красива —
В наряде, который жена
При жизни своей не носила.

И, странное дело, Петров,
Об этом все знают в бригаде,
По части житейских обнов
На деньги всегда был не жаден.

Ну, может, единственный раз
Жене отказал он в наряде.
И то, потому что аванс
В тот вечер не дали бригаде.

И нет у Петрова жены.
И это Петров понимает.
И нет у Петрова вины.
И это Петров принимает.

И, странное дело, Петров
Встаёт по утрам ошалелый.
И сон его вроде не нов.
И всё-таки — странное дело.

* * *

Нашу улицу пересекает
Белоснежная тишина.
Сиротливо снежок сверкает,
Затесавшись в проём окна.

Сиротливо — до зябкой дрожи —
Ветви тянутся к фонарю.
По сему по всему похоже,
Время движется к январю.

Время движется, как обычно.
Но не знает из нас никто,
В чьём сегодня оно обличье,
В чьей ушанке и в чьём пальто.

Может, этот прохожий шаткий
Затесался в наш двор не зря.
Подпирает он небо шапкой
Возле тусклого фонаря.

Одинокий шальной прохожий
Дышит хрипло и глубоко.
По сему по всему похоже,
Время движется нелегко.

* * *

Он стоял на углу возле булочной,
Незадачливый, на сквозняке,
Потерявшись меж прошлым и будущем,
С тёплой булкой французской в руке.

И пришёл к нему в пять часов вечера,
И присел у него возле ног,
И влюблённо смотрел, и доверчиво
На французскую булку щенка.

И от нежного взгляда щенячьего
На осеннем крутом сквозняке
Что-то тёплое, что-то щемящее
По угрюмой скатилось щеке.

Что-то светлое вдруг замаячило,
Позвало к себе издалека.
И ушёл, и унёс незадачливый
Вместе с булкой французской щенка.

Ангел

В необъятной заоблачной сини
Белый ангел небесный летал.
Мама с папой мои попросили,
Чтобы сыном любимым он стал.

Он задумался и согласился,
И рванулся в небесный проём,
Но на чёрную землю спустился
Почему-то в обличье моём.

И о странной премудрости этой
Позабыл безнадёжно давно.
И коптит небеса сигаретой.
И зелёное глушит вино.

Всевозможными злыми грехами
Он оброс, как заядлый злодей.
И терзает своими стихами
Беззащитные души людей.

Мама с папой о сыне радели,
Впрок копили ему на житьё.
И не помнят, когда проглядели
Неразумное чадо своё.

— Не его мы у неба просили! —
Мама папе теперь говорит.
...А в далёкой заоблачной сини
Чёрный ворон понуро парит.

И никто в него камень не бросит,
Чтобы он надо мной не летал.
И никто у меня не попросит,
Чтобы снова я ангелом стал.

* * *

Небеса раскачивая мерно,
Ветер по округе колесит.
Ангелу-хранителю, наверно,
Трудно пребывать на небеси.

Гражданин, блуждающий по небу,
Будь великодушен, потерпи.
Даже если очень мной разгневан,
На затылок мой не наступи.

Под твоей сверкающей подошвой
Бездорожье моего пути.
Уступи дорогу, если можно.
Дай мне самому её пройти.

* * *

Увидит меня, улыбнётся,
И я его вечный должник.
Мне свет с небосвода прольётся,
Как дождичек за воротник.

Посыпятся искры по коже,
И сердце оттаёт в тепле.
Спасибо, всевидящий Боже,
За то, что он есть на земле.

Он неба коснётся рукою,
И всё засияет вокруг.
Он может ещё не такое.
Он самый любимый мой друг!

Отец

На лавочке в сквере щебечет малец.
Душа моя к небу взывает.
С недавней поры сам себе он отец.
Такое на свете бывает.

На лавочке рядышком с ним посижу
И, радуясь солнцу и свету,
О давней печали своей расскажу
Ему одному по секрету.

А он мне расскажет, как жить без отца.
И небо под шелест берёзы
Всплакнёт и, как мама, целуя, с лица
Попьёт мои горькие слёзы.

Гудок

Пароходик от причала
Отплывает ровно в семь.
Поздно начинать сначала.
Да и незачем совсем.

Отразился в мутных лужах
Неуютный городок.
Никому я здесь не нужен.
Капитан, давай гудок!

Распогодилась погода.
Капитан, имей в виду:
Пристань есть у небосвода.
Доплывём, и я сойду.

Там приют мой и спасенье.
Там и в будни фейерверк.
И сплошное воскресенье
После дождичка в четверг.

Гость

Я, продрогшего всего,
На загривке через речку
Неразумного его
К своему принёс крылечку.

Поначалу он робел,
Зависая над стаканом.
Обогрелся. Подобрел.
Обозвал меня «братаном».

Матерился. Пел. Курил.
Звонко ржал, как сивый мерин.
Анекдотами сорил
И мои рубахи мерил.

Аки волка, обложил.
У меня в ногах валялся.
Окрутил. Обворожил.
В вечной дружбе мне поклялся.

Всё ему я рассказал.
Занял денег без отдачи.
Путь-дорожку указал.
Пожелал во всём удачи.

Он меня расцеловал,
Как родного, у калитки.
А потом обворовал,
Обобрал всего до нитки.

Непутёвый этот гость
Дом мой выстриг «под нулёвку».
Мне оставил ржавый гвоздь
И скрипучую верёвку.

Не жалею ничего
И в богатые не мечу.
Жалко только, что его
Никогда уже не встречу.

...Стол купил. Купил кровать.
Ошалело сердце бьётся.
Есть опять что воровать!
Может, он ещё вернётся?

Дружок

Я студент института культуры.
И тем самым вопрос мой решён.
Я прошёл все приёмные туры
И себя кое в чём превзошёл.

Мой дружок на стипешку не тянет.
У меня нет с учёбой проблем.
Режиссёром известным он станет.
Я как был, так и буду никем.

Улетят перелётные птицы.
С неба в речку вернётся вода.
В дальней северной нашей столице
Он забудет меня навсегда.

Я строгаю корявые строчки,
В сигаретном блуждаю дыму
И в конце предложения три точки
Оставляю на память ему.

Я его никогда не забуду.
Но о том никому не скажу.
А когда знаменитым я буду,
Я ещё не такое сложу.

Не свисти!

Не свисти! Не будет денег.
Понасвищешь невезенье.
День тяжёлый — Понедельник.
День весёлый — Воскресенье.

Не свищу, а денег нету.
Так без денег и кукую.
Я за чистую монету
Принял выдумку мирскую.

Мой дружок свистел, как чижик,
Так что с ног валялись девки.
Не читал он умных книжек,
Но в него влюбились деньги.

У него опять веселье.
У него опять обнова.
Светлый праздник Воскресенье —
Мира божьего основа.

Я шагаю мимо денег.
У меня опять непруха.
Чёрный праздник — Понедельник!
Голова моя — два уха.

Бардак

На одном краю земли ясный свет.
На другом краю земли сизый мрак.
Дядя Федя говорит: «Счастья нет!»
Дядя Федя говорит: «Мир — бардак!»

Дядя Федя прожил жизнь — не дурак!
Потому уверен он — спору нет! —
Не на том краю земли сизый мрак.
Не на том краю земли ясный свет.

Дядя Федя говорит: «Я не пью!»
И, насупившись, уходит домой.
На одном краю небес я стою.
На другом краю небес — ангел мой.

Между нами затесалась родня.
И стоит земля у нас на пути.
Не хватает мне ни ночи, ни дня,
Чтобы этот хоровод обойти.

Дядя Федя тут заядлый вожак.
Крутит-вертит, как желает, свой круг.
Все и вся в его суровых вожжах.
Только я один отбился от рук.

Сигаретный дым клубится у рта.
Пропадает ангел мой без меня.
Он один совсем, кругом сирота.
У меня-то вон какая родня.

Дядя Федя мой, ты прав: всё не так!
И в твою упряжку лезть мне не след.
На моём краю небес сизый мрак.
На твоём краю земли ясный свет!

Поэт

По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.

По лестнице этой отвесной,
Усталый, угрюмый, хмельной,
Присыпанный пылью небесной,
Забрызганный грязью земной,

Небритый, потёртый, помятый,
Проклявший себя и свой век,
Такой никому не понятный,
Упрямый, шальной человек.

Зачем ему с неба спускаться,
Пускаться в неведомый путь?
Средь добрых людей потолкаться?
Солёного горя хлебнуть?

Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал
И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.

Так нет же! На лестнице шаткой —
Того и гляди, упадёт! —
Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идёт.

По этим ступенькам скрипучим,
Ведущим на горестный свет,
По строчкам своим неминучим
Спускается к людям поэт.

* * *

Ты зачем, Владилен Кожемякин,
В мой неласковый сон приходил
И небесные тайные знаки
В оправданье своё приводил?

Пролетала по небу комета
И столкнулась с дрожащей звездой,
Но разбилась о сердце поэта
И глухой обернулась бедой.

И ударили с неба потоки.
И вокруг сразу стало темно.
И я вздрогнул на Дальнем Востоке
От глухого удара в окно.

Распахнулась оконная рама
Над раскрытою книжкой твоей.
И небесная чёрная яма
Вдруг внезапно открылась пред ней.

А из книжки рванулась страница,
И зависла она над столом,
Как безумная белая птица,
Зацепившись за воздух крылом.

И, не верящий огненным знакам,
Бороздящим небесную тьму,
Я впервые так горько заплакал,
Сам не зная ещё почему.

Виденье

Написал стихи во сне я.
И за то себя виню,
Что прочесть их не сумею:
Позабылись на корню.

Хоть одну бы вспомнить строчку
Или две,
А лучше три.
Всё отдам за эту ночь.
Нет!
Не помню — хоть умри.

Помню только:
Вне сомнений,
Высочайший штиль и слог.
Даже Пушкин — дивный гений! —
Так стихи писать не мог.

Хоть намёком,
Хоть виденьем
Отзовись издалика,
Обернись стихотвореньем,
Объявись во мне, строка.

Сколько можно продираться
Сквозь сплошную дребедень...
А стихи поэтам снятся
Далеко не каждый день.

Дождик

Уйду с головой в небеса,
Устав от сердечного гуда.
Туда не берут адреса.
И письма не пишу оттуда.

Уйду поутру налегке.
Да облачной выси достану.
И буду для мира никем.
И дождиком ласковым стану.

И снова на землю приду
У окон твоих ошиваться.
И буду у всех на виду
Нахально с тобой целоваться.

А твой благоверный супруг
Закроется в доме, застонет,
Сошлётся на давний недуг,
Меня от крыльца не прогонит.

И мы постоим на крыльце
В обнимку — одни в целом свете.
И слёзы твои на лице
Никто у тебя не заметит.

Дом

Что нам с тобою считаться,
Старый скрипучий мой дом?
Поздно в окошко бросаться
И уезжать за кордон.

Туча над речкой повисла.
Небо поникло зело.
И не поёт коромысло.
И почернело весло.

Глухо вздыхает колодец.
Лодка скрежещет бортом.
Гулко, как в бубен, колотит
Пёс по крылечку хвостом.

Поздно за юность цепляться.
Ворон сидит на меже.
Глупо грозить и стреляться.
Всё же не мальчик уже.

Лодочник

Николай Иванович Садохин —
Лодочник — густая борода.
Волны поднимаются на вздохе.
В вёсла упирается вода.

Нужная всем служба перевоза
Через речку, через облака.
Как шатун колёсный паровоза,
В локте изгибается рука.

Жалобно сопровождает рейсы
Плеск воды дыханью в унисон.
Небо упирается, как в рельсу,
В нашу речку красным колесом.

Локтевым работая суставом,
Вынулся, как будто он в седле.
Синие небесные составы
Двигает по светлой колее.

Ласковый, как соловей-разбойник.
Нож за голенищем сапога.
Это только с виду он раскольник.
Он соединяет берега.

Сон

Спит мужик, укрывшись лопухом.
Полдень.

Луг.

Июнь звенит в зените.

Кто сейчас подумал о плохом,
От стихотворенья отойдите.

Дабы не нарушить краткий сон,
До предела пузу тяните.
Ни подошвой злой, ни колесом
Пред его очами не пылите.

Спящий улыбается мужик,
Отрешившись от забот о хлебе.
Тело его мирно возлежит
На седьмом, на самом светлом небе.

Сон его кузнечики куют,
Ласточки-касаточки свивают,
Ангелы небесные поют,
Пастушки на дудочках играют.

Дабы он увидел хоть во сне
То, с чем в жизни этой разминулся.
Кто стоял тихонько в стороне,
Подходите: он уже проснулся!

Плач

Инженер Егоров под забором
Плачет.

А в сиреновой дали,
Проплывая над осенним бором,
Инженеру вторят журавли.

Инженер Егоров выпил малость,
А у журавлей сухой закон.
Что-то надломилось и сломалось
В равновесье птичьим и мужском.

Реют неутешные рыдания
Журавлиным клином вдоль реки
Так, что нервно вздрагивают зданья
И с деревьев падают листки.

Значит, есть серьёзные причины,
Что вина горючего хмельней,
Если плачут птицы и мужчины
Над великой Родиной моей.

Напасти

Когда бы все напасти
Как мусор со двора...
Быть может, баба Настя
Не умерла б вчера.

Она б ещё немножко
На свете пожила.
И по миру бы кошка
Котят не повела.

Спасибо

Опомнитесь!
Мало вам света?
Аж стёкла в окошках дрожат...
Не трогайте облако это:
На нём мои крылья лежат.

Летят и летят эскадрильи
Расплёскивать в небо мазут.
Нельзя человеку без крыльев:
Нужда и тоска загрызут.

Ползучие хищные твари
Накроют беднягу гуртом.
Потом поминайте как звали.
И всё.
И спасибо на том!

Падший ангел

Словно ангел, падший с неба,
Снег всю ночь блуждал во мгле.
И совсем светло от снега
Стало утром на земле.

Снег светился в каждом взгляде,
Весь искрился и дрожал.
Я рукой его погладил
И к щеке своей прижал.

Печаль

Не сердись, моя печаль,
На ненастную погоду.
Потихоньку приучай
Мои мысли к небосводу.

Понемногу приручай
Мою душу к птичьей стае,
Чтоб врасплох и невзначай
Нас метели не застали.

Путь-дорожку примечай
Крепко-накрепко навеки.
Уходя не выключай
Свет свой тихий в человеке.

Драма

Летит за порог моя шапка,
А следом за нею — пальто.
Душа моя, как тебе зябко.
Опять нас не любит никто.

Зевнув за спиною жестоко,
Закрылась гремучая дверь.
Душа моя, ты одинока,
Надейся, мужайся и верь.

Наш путь между ям и колдобин
Срывается в вечную тьму.
Неужто я Богу подобен?
За что не везёт так Ему?

* * *

Берёза стонала во сне.
Приснился ей сон о весне.

А мне такой сон не приснится.
А мог бы присниться, но — нет!
Во мгле за окошком клубится
Холодный январский рассвет.

Лениво заря догорает.
Меня добивает хандра.
Сосед на гармошке играет —
Уже приложился с утра.

Свои непутёвые строчки
Я грею в озябшей горсти.
Сосед затынул про цветочки,
Ему и трава не расти.

Теперь он своё не упустит.
Мятежной душе тяжело,
Когда под окном столько грусти
С российских небес намело.

Рыдает шальная гармошка,
В тональности явно греша.
Но светит зазывно в окошко
Берёзы живая душа.

Рождественский снежок

Рождественский снежок меня обнимет
И возвратит опять на небеса.
Он у родной земли меня отнимет
Не навсегда, всего на полчаса.

И мне напомнит, чтоб не забывался,
Что я слезинка малая во мгле,
Что я всего лишь с облака сорвался
И малость задержался на земле.

Рождественский снежок меня отпустит.
Что удивляться, я ему никто.
И от его плакучей звонкой грусти
Раскиснут мои шапка и пальто.

Расхожее слово

«Привет!» — мне ворона сказала,
Трескуче глумясь надо мной.
Нас крепко судьба привязала
К скрипучей берёзе одной.

Под небом одним обитаем.
И кто нам поставит в вину,
Что мы высоко не летаем
И Родину любим одну.

И я возвращаю вороне
Расхожее слово «Привет!»,
И в дымной берёзовой кроне
Струится лазоревый свет.

Прошлогодний снег

Плакал прошлогодний снег —
Некрасивый, хмурый, старый.
Плакал, словно человек,
Повидавший всё, усталый.

Но, не верящий слезам,
Местный дворник конопатый
Резал,
Рвал,
Рубил,
Терзал —
Добивал его лопатой.

Смутное время

...А люди, как в смутное время,
В хорошего верят царя.
Он вступит в звенящее стремя,
Народную волю творя.

Плащом небеса занавесит.
Щитом остановит раскол.
Продажных и лживых повесит,
А подлых посадит на кол.

От хвори, напасти и порчи
Избавится русский народ,
Когда ему царские очи
Сверкнут у кремлёвских ворот.

И праведный мир воцарится
На отчей земле на века.
И в досталь родная земля
Накормит тогда мужика.

А если лихие бояре
Народ не желают любить?
На то и даны государи,
Чтоб головы пёсьи рубить.

Бесы

За несметные пороки
В годы всенародных бед
Нам являются пророки,
Как грибы на белый свет.

Колдуны и скоморохи —
Злое сонмище невежд —
Саранчой летят на крохи
Наших радужных надежд.

Достают из чёрных книжек
Тайны чёрные свои.
Языками пламя лижут,
Дико пляшут на крови.

Поднимаются замесы
Сатанинских подлых сил.
«Это бесы, бесы, бесы», —
Достоевский говорил.

Чернуха

— Скоро белому свету конец!
— Скоро, скоро... — кивают старухи.
И притих малолетний стервец
От такой бессердечной чернухи.

— И сойдёт на людей благодать.
И откроется, кто куда метит...
Далеко им, старухам, видать,
Там, где прочим и близко не светит.

Потому что пожили они
И тихонько на солнышке тают.
И к тому же в последние дни
Высоко они в небе летают.

— Всё-то видит ВСЕВЫШНИЙ ОТЕЦ,
Всем воздаст за грехи и за муки.
— Скоро белому свету конец!
— Скоро, скоро...— вздыхают старухи.

Колдунья

Колдует колдунья, колдует.
Пока не подымут конёк,
Презренная смерть не задует
В мятежной груди огонёк.

Прославшая в людях ягою,
Старуха на смертном одре...
Но смерть на порог ни ногою,
Костями стучит во дворе.

Метель за окном завывает.
Скрипит и скрежещет венец.
Тяжёлую плаху вбивает
Под крышу пьянящий кузнец.

Остыло усталое тело.
Замёрзла в ведёрке вода.
Вспорхнула душа, полетела,
Известное дело куда.

Замётана в небо дорожка.
Сугроб у ворот намело.
На целых четыре окошка
Угасло родное село.

Застрешный

Ну что, бедолага застрешный,
Не сладок удел воробья?
Опять из тесовой скворешни
Скворцы вышибают тебя.

Но только ли горькое лихо
В твоей горемычной судьбе?
Недаром твоя воробьяха
Доверчиво жмётся к тебе.

Клочок прошлогоднего сена
Да солнечный лучик во мгле...
Не так уж уныло и серо
Твоё житие на земле.

Хватает под солнышком вешним
И света тебе, и тепла.
Зачем тебе эта скворешня?
Всего-то четыре угла...

Неразумные мысли

Пойду позову неразумные мысли.
Быть может, они возвратятся ко мне.
Так старое дерево юные листья
Светло зазывает к себе по весне.

Когда оно будит весенними днями
Восторженным гудом оттаявший дол,
Отчаянно машет пустыми ветвями
И дёргает небо за синий подол.

Когда распускаются терпкие почки.
И, как из нагрудных карманов платки,
Совсем молодые шальные листочки
Друг другу показывают языки.

Как мне надоело быть старым и лысым,
Хочу вернуть свои юные дни.
Пойду позову неразумные мысли.
Быть может, меня пожалеют они?

Не верю

Я не верю, не верю, не верю
Ни в какие уже чудеса.
Почему же ветвями деревья
Так цепляются за небеса?

И ветрами — не странно ли это?
За какую такую вину?
Золотые осколыши света
К моему намечает окну.

И опять неминуемым шлюзом
Принуждён быть оконный проём,
Чтобы плыл этот трепетный мусор
Грустно в стихосложение моём,

Поднимая до облачной выси
Обветшалые все слова
И земные посконные мысли —
Так, что кругом идёт голова.

Я не верю, не верю, не верю,
Как не верит редеющий лес,
Что его золотые деревья
Доросли до печальных небес.

Звёзды

Грустные эти звёзды
В сумрачной вышине.
— Господи! —
Твои слёзы
Горькие
Обо мне.

Что ж от меня ты прячешь
В сумраке скорбный лик?
И почему ты плачешь,
Если Ты так велик?

Праздник

Чем так встревожены птахи?
Ясно любому ежу:
Это я в красной рубахе
Тихо на небе лежу.

Облако белое справа.
Млечная вечность оплечь.
Кто умалит моё право:
Скромно на небе прилечь?

Облако синее слева
В россыпи звёздных огней.
Вы как хотите,
А с неба
Родину нашу видней.

Нету закона такого,
Чтобы любить запрещал.
И ничего вам другого
В жизни я не обещал!

Поэмы

Красный кречет

Поэма

На горюнь-горе высокой,
На седой Москве-реке
Белый храм — Господний сокол,
В золочёном клобуке.

В слободе стоит Напрудной
Грозной милостью царя.
Пламенеет знак нагрудный —
Соколиная заря.

По преданьям многовечным
В честь былых ненастных драм
Царский честник*, красный кречет** —
Величают этот храм.

В пеленах народных мифов
К государевой реке
Его вынес святой Трифон,
Как сокольник, на руке.

Ниоткуда появился
На пылающем коне.
И нечаянно приснился
Патрикееву во сне.

* Честник — любимец, находящийся в чести.

** Красный кречет — красивый сокол редкой белой масти.

Жизни истина земная
Пишется на небеси.
Так ли было, я не знаю,
Но легенда так гласит...

.....
.....

...В ту неладную седмицу
Патрикеев пил с утра:
Утерья сокольник птицу
Из Приказного двора.

Возмечтал соколик ясный,
Помолившись на зарю,
На охоте царской красной
Угодить государю.

Страсть ко власти подольститься
В Патрикеевых жила:
«Патрикеевна-лисица» —
Поговорочка была.

Волчья сыть, собачий потрох!
Вот как ты царю ульстил:
Заигрался в мыслях подлых —
Птицу сдуру упустил.

Головы тебе не жалко!
Видно, жалована зря
Горностаевая шапка
От великого царя.

Подвела лиса-плутовка —
Патрикеевна — судьба.

Сбила наземь шапку ловко
У боярина со лба...

.....
.....

...Барабанщик беспощадный,
От усердия рябой,
В тулумбас° лупил вощагой°,
Выводя призывный бой.

Гром катился дробным эхом
В поднебесной высоте.
Сокол брал Великим Верхом*** —
Поднимался на хвосте****.

Словно дивный ясный пламень,
Над землёю зависал.
И широкими кругами
Проплывал по небесам.

...Сотворённый Высшей волей,
Божьей милостью боец —
Сокол как небесный воин —
Ратной чести образец.

Он щитом над полем бранным
Расправлял свои крыла,
Чтоб не оскверняли враны
Павших воинов тела.

* Тулумбас — барабан.

** Вощага — барабанная палочка.

*** Великий Верх — наивысшая точка полёта.

****Подниматься на хвосте — то есть вертикально.

Он царил в миру высоком,
Божьей милостью храним,
Шестокрылый* ясный сокол —
Шестикрылый серафим.

Поднебесный зоркий стражник
На верха стремглав взмывал.
Голубей почтовых вражьих
На лету перенимал.

В честь победы знатной, жаркой
Изо всех, что было, сил
Царь бросал на небо шапку —
Сокол шапку приносил.

Узнавал средь шапок прочих
Шапку грозного царя:
У неё по отторочью —
«Соколиная заря».

Со времён ещё хазарских
По отваге и уму
Среди птиц на службах царских
Равных не было ему.

И на выездах посольских
Непреренно всякий раз
Царских соколов геройских
Выставляли напоказ.

Удаль ратная и слава
На Руси в чести всегда.
Соколиная Держава
Божьим промыслом тверда.

* Шестокрылый — особенность строения соколиного крыла, состоящего из шести подкрылков.

И хотя орёл — царь-птица,
И небесный верховой,
Вряд ли с соколом сравнится
В грозной схватке боевой...

...Царский честник, красный кречет
Ставку делал^{*} налегке.
Восходил на небо свечкой
И добычу бил в пике.

Брал и коршуна, и луня.
С виража — не абы как!
Заполошный, словно клуня,
Падал в обморок коршак.

Бил в намёте чернь враную,
Вышибая потроха.
Как подкову гнут стальную,
Гнул небесные верха.

Разъярившемуся волку,
Сбив его в догоне с ног,
Прорубал когтями холку,
Вырывая позвонок.

На лету болотной птице
Крылья напрочь выбивал.
Патрикеевне-лисице
Увернуться не давал.

Драл своей добыче глотку
И когтил её зело...
Но в сокольничью слободку
Разворачивал крыло.

* Сделать ставку — приготовиться к нападению.

И к сокольнику на руку
Ворочался на покой,
Потому что знал науку,
Чьей он выношен* рукой.

...Патрикеев род боярский —
Достославный, столбовой.
А бояре службе царской
Присягали головой.

На соколиков держава
Не жалела серебра:
Соколиная забава —
Ратной доблести сестра.

Но в неладную седмицу,
В уречённый** день и час,
Упустил сокольник птицу
Ненароком с пьяных глаз.

Взвился с напуска под вечер,
В небе вызрев воронка,
Заигрался красный кречет
И ушёл за облака.

Никакие враньи враки
От позора не спасут.
Подсокольники-собаки,
Знамо дело, донесут.

Видно, ты, боярин Трифон,
Как собака, пропадёшь!
Дорогим заморским грифам
На прокорм живьём пойдёшь.

* Выношен — дрессирован, обучен.

** Уречённый — назначенный.

И такая есть зараза
На кречатне у царя:
Из Посольского Приказа
Затащили егеря.

.....
.....

Средь дикуинок заморских
У царя есть даже слон.
И на выездах посольских
Тащит он походный трон.

Представляет слон собою
С виду — добрую избу
С ноздреватою трубою.
И гудит, как печь, в трубу.

Нарекли его Сизифом,
Погоняют батоном.
Как хотел сокольник Трифон
Водрузиться на таком.

Словно красный царский сокол,
Свой урвать Великий Верх.
И, сверкнув геройским оком,
Свысока взирать на всех.

Чтоб сияла над заплечьем
Соколиная заря...
Чтобы знали все, кто честник
У великого царя.

Волчья сыть, собачий потрох!
Эко ты куда хватил:

Заигрался в мыслях подлых —
Птицу сдуру упустил.

На сокольничье вабило^{*}
Попадёт твоя башка.
И такое дело было:
Вспомни Фёдора-дружка!..

...Затяжной осенний дождик
Листья с дерева стрижёт.
Золотой плетёный должик^{**},
Как удавка, руку жжёт.

Трифон смерти не боится.
Жаль до слёз детей-сирот.
А боярину давится —
Опорочить напрочь род.

Третий день в угаре минул,
Как случилась та беда:
Простегал верха и сгинул
Ясный сокол в никуда.

Царь, от ярости потея,
Прохрипел в падучке злой:
«Иль вернёшь казне Свертея^{***},
Или голову — долой!»

Грозно зыркнул, как разбойник,
Из-под царственных бровей.
И почувствовал сокольник
Запах смертушки своей.

* Вабило — кусок мяса, являющийся приманкой для сокола.

** Должник — ремешок, пристёгивающий сокола к руке.

*** Свертей — имя сокола.

Обмерла душа живая...
А в лихих очах царя
Воспылала грозовая
Соколиная заря.

Царь Иван Василич Грозный
Шибко скорый на правёж.
И молитвой скорбной слёзной
Его душу не проймёшь.

Делать нечего детине.
Бьёт судьба, как ястреб, влёт.
Или в чистом поле сгинет,
Или сокола вернёт...

.....
.....

...Жадно воду сивый мерин
Цедит с пригоршни пруда.
Патрикеев путь свой мерит,
Сам не ведает куда.

От усталости сморился.
Приклонился в пояс дню.
Слез с коня и повалился
В ноги батюшке-коню.

Возопил, заплакав горько:
«Боже праведный, прости!
Храм поставлю. Дай мне только
Ясна-сокола найти!»

В сон, как в бездну, провалился.
И ему в глубоком сне

Святый Трифон объявился
На пылающем коне.

Святый Трифон — Божий мытник —
Стережёт Великий Верх.
Он охотников защитник
И сокольничьих утех.

На его плече искрится,
Горним пламенем горя,
Золотая багряница —
Соколиная заря.

И стоит свечой высокой,
На святой его руке
Божий храм — Господний сокол
В золочёном клобуке.

Воспромолвил Трифон святой:
«Покорись лихой судьбе.
Умолённый твоей клятвой,
Черковь* вынес я тебе.

Порадеть на подвиг трудный
Обещанье дал ты сам.
В слободе поставь Напрудной
Соколиный Божий храм.

А теперь ступай в Мытищи.
Там, в листовяной стороне,
Ты свою пропажу сыщешь
В старой роще на сосне.

* Черковь — церковь в старорусском произношении.

Разминёшься с мерзкой плахой,
Грозным милован царём.
А закончишь жизнь монахом —
Божьим станешь звонарём.

Будешь горним вещим эхом
Оглашать родной простор
И вести с Великим Верхом
Величавый разговор...

...Отпусти свои печали.
Вспомни, как, в рожок трубя,
Подсокольники венчали
На сокольника тебя.

Красных кречетов сажали.
Били каждому поклон.
И присады* промежали
Муравой со всех сторон.

Золотым вращая оком,
Распалившись добела,
Небосвод — Господний сокол —
Распахнул свои крыла.

Стол накрыт сукном зелёным.
На него воссел Челиг**.
На нагруднике орлёном
Золотится гербовик***.

Цевки****, стиснутые в кольца,
Крепко сжаты в кулаки.

* Присады — стулья, на которые сажают соколов.

** Челиг — сокол-самец.

*** Гербовик — печать Сокольничьего Приказа.

**** Цевки — птичьи лапы.

На обносцах* — колокольцы
И плетёные шнурки.

Он теперь хозяин поля.
Честник, проще говоря.
И на то есть Божья воля
И веление царя.

На резной скамье высокой —
Царский бархат-киноварь.
Восседает Божий сокол —
Грозный русский государь.

Соколиными очами
Свысока глядит на всех.
В гордом царственном молчанье
Правит свой Великий Верх.

На призывный глас небесный
Государь настроил слух.
И царит над Божьей бездной
Нерушимый русский дух.

Он царит в миру высоком
Невредим, непобедим —
Русский дух — Господний сокол,
Шестикрылый серафим!

Твердь небесную пластая,
Высоко парит она,
Мать честная, Русь Святая,
Соколиная страна!

* Обносцы — кожаные путцы, к которым пристёгивается
должик.

...В час означенный, урочный
Матерущий из мужчин,
Укрепясь молитвой прочной,
Возвещал всему зачин.

Подношенья воздавали
Наречённому лицу.
Громогласно объявляли:
«Чину быть и образцу!»

К царской милости зывали.
В ноги кланялись царю.
Тулумбасы выбивали
«Соколиную зарю».

Словно царская поляна
Уряжённая изба.
И басил подъячий рьяно,
Как архангела труба.

Нарастяг гнусавил зябко:
«Подлый смерд, челом ударь!
Горностаевую шапку
Тебе дарит государь».

Ты уткнулся в землю ликом.
И твои уста обжёг
Грозной милостью великой
Красный царский сапожок.

Губы напрочь онемели.
Прикипела кровь к лицу.
Подсокольники взревели:
«Чину быть и образцу!»

Царь избрал тебя, детину,
На Сокольничья Пути.
И тебе теперь по чину
Волю царскую блюсти.

Отряхни свой взор печальный.
Сбрось с него обиды тьму.
Ты царёв слуга начальный.
И ступай служить ему...»

.....
.....

...А ещё во сне глубоком
(Знать, была печаль тяжка!)
Патрикеев ненароком
Вспомнил Фёдора дружка...

...Барабанщик беспощадный,
От усердия рябой,
В тулумбас лупил воцагой,
Выводя смертельный бой.

Гром катился дробным эхом...
И, ярилом знаменит,
Полдень брал Великим Верхом —
Восходил свечой в зенит.

Столб дымился, иссечённый.
Тело висло на верви*.
Кнут высверкивал кручёный,
Размягчённый на крови.

Опьянён тупой отвагой,
Не щадя своей руки,

* Верви — верёвки.

Бил палач, кряхтя, с оттягой.
С тела рвал живьём куски.

Сгустки крови раскалённой
Жгли помостную доску.
Запах смертушки палёной
Палачу мутил башку.

Слово царское и дело
Укреплялись на Руси.
Пресвятая Божья Дева
Вся в слезах на небеси

Призывала, причитая,
К милосердью и любви.
Золотая Русь Святая
Утверждалась на крови.

Под кривлянье скомороха
И мирскую маету
Соколиная эпоха
Набирала высоту.

Кубок пенный подавали
Слуги батюшке-царю.
Тулумбасы выбивали
«Соколиную зарю».

Бил палач, впадая в одурь,
Мясо с косточек тесал.
И, забитый насмерть, Фёдор
Отдал душу небесам.

И душа его высоко
Вознеслась, прощая всех.

И в раю, как ясный сокол,
Обрела Великий Верх.

Светом праведным объята,
Навсегда прозрела вдруг.
Потому что Боже Святый
Снял с неё глухой клобук.

.....
.....

...Долго ль спал ещё сокольник?
Не ответит время нам...
А на Трифоновке* стольной
Воссиял Господний храм.

В слободе стоит Напрудной
Грозной милостью царя.
Пламенеет знак нагрудный —
Соколиная заря**.

По преданьям многовечным
В честь былых ненастных драм
Царский честник, красный кречет
Величают этот храм.

В пеленах народных мифов
К государевой реке
Его вынес святой Трифон,
Как сокольник, на руке.

Белый храм — Господний сокол —
Божьей волею храним.

* Трифоновка — Трифоновская улица в Москве.

** «Соколиная заря» — красный бархатный нагрудник для сокола, сплошное зарево, особый барабанный бой.

На горюн-горе высокой —
Небо русское над ним.

На призывный глас небесный
Он настроил чуткий слух.
И царит над Божьей бездной
Нерушимый русский дух.

Твердь небесную пластая,
Высоко парит она,
Мать честная, Русь святая,
Соколиная страна!

Золотым вращая оком,
Распалившись добела,
Небосвод — Господний сокол
Распахнул свои крыла.

Удаль ратная и слава
На Руси в чести всегда.
Соколиная держава
Божьим промыслом тверда!

Над Москвой Первопрестольной
Солнце красное горит.
Звон раздольный колокольный
Ясным соколом парит.

Он взметнулся с колокольни,
Осенья всё вокруг.
Колокольничий сокольник,
Снял с него звонарь клобук.

И багряными крылами
На плечах у звонаря
Запылала, словно пламя,
Соколиная заря.

Он на звоннице высокой
С высоты глядит на всех —
Лучезарный русский сокол,
Держит свой Великий Верх.

Звон плывёт по небу лавой.
Высь Господняя светла.
Над Россией православной
Сокола-колокола.

Свет с небес струится горний
И сияют с высоты
Ясны соколы Господни —
Шестикрылые кресты.

Свет царит в миру высоком,
Высшей милостью творим, —
Шестокрылый ясный сокол,
Божий ангел серафим.

На Москве Первопрестольной
В красных солнечных лучах
Пламенеет колоколья,
Как заздравная свеча.

Жизни истина земная
Пишется на небеси.
Так ли было, я не знаю.
Но легенда так гласит.

Русским соколам во славу
Храм стоит и в наши дни...
Соколиные забавы
Ратной доблести сродни.

Тобольские ангелы

Поэма

Чувашский мыс

...И пришёл Кучум на Чувашский мыс.
И кровавой тучей над ним завис.
И вонзил Кучум свой волчиный клык
В заповедный град — Золотой Кашлык.
Бикбулата бил и Ядкара бил,
И из черепа Едигера пил.
На костях неверных поставил вал
И Сибир-Искером его назвал.
Трижды в день топтал на валу траву
И плевал на царственную Москву.
Вознося Московии похвальбу,
Говорил, что видел её в гробу.
И со всех народов (куда ни глянь!)
По Иртыш-Тоболу собирал он дань.
Чтоб исправно слали ему ясак,
Вырезал он данников, как собак.
Укрощая местных худых князьков,
Забирал в заложники их сынков.
И несчастных княжбых забитых жён
Уводил в полон на аркане он.
Обращал язычников в мусульман.
И кровавый плыл над землёй туман.
Говорят, с тех пор на крутом ветру
Кровянеют сосен стволы в бору.
И в рассветном мраке, огнём горя,
Над Тобольском кровью сочит заря.

А в урочный час, благодатный час,
Из воды всплывает Пречистый Спас
И являет миру Господний лик,
Чтоб напомнить людям, как Бог велик.
Он для всех на свете надёжный щит.
А икона кровью мироточит.
Из времён далёких до наших дней
Белый ангел Божий парит над ней.
И стоит у ангела на крыле
Белый град Тоболеск в былинной мгле.
Осеняет светом иртышью воду.
Так его задумал создать Господь.
Белый град Тоболеск свечой стоит.
И небесным светом Сибирь хранит.
Он Сибирским Ангелом наречён,
И Всея Сибирь за его плечом.
...И пришёл Ермак на Чувашский мыс.
И, как царский сокол, над ним завис.
И вознёсся он над Кучум-ордой,
Над Иртыш-водой, над волной седой.
И пять тысяч лучников он узрел.
А в колчане лучника тридцать стрел.
И сказал тогда атаман Ермак,
Рассекая взором крошечный мрак:
«Мне дерьмо татарское не впервой
Боевой вычерпывать булавой.
Это вам не мёд пить из пьяных сот.
И на всё про всё казаков пятьсот.
Ты прости меня, Свята Божья Мать,
Или смерть примать, или срам имать!»
Как сказал Ермак, так и сделал он.
И услышал вдруг колокольный звон.
Ни одной черквы за сто вёрст окрест.
Видно, Сам Господь знак подал с небес.
Значит, славный будет чертям улов.
Изо всех орудий и всех стволов,

Развернув бортами свои стружки,
По татарам вдарили казаки.
А когда рассеялся едкий мрак,
Казакам своим подмигнул Ермак,
Свистнул острой сабелькой над собой
И шагнул с борта в рукопашный бой.
А за ним попрыгали казаки
В ледяную воду Иртыш-реки.
И лихие сабельки казаков
Распороли саван седых веков.
Содрогнулась в страхе Кучум-орда.
Разбежались стражники — кто куда.
Потому что нету страшней беды
Закипевшей в драке Иртыш-воды.
...А Кучуму снился намедни сон,
Что над ним развергся небесный склон.
И ему привиделась Божья Мать,
И велела город искерский сдать.
А иначе он попадёт в беду —
Как собака, в грешном сторит аду.
...Трижды вёл Ермак в рукопашный бой
Боевых товарищей за собой.
Трижды били пушки с казачьих струг,
И редел товарищей кровный круг.
А когда повёл их в четвёртый раз,
Из глуби речной всплыл Пречистый Спас.
И тогда сказал казакам Ермак:
«Это Сам Господь подаёт нам знак».
И в Искер-столицу они вошли,
Но Кучума в городе не нашли.
Прихватив с собою казну и жён,
Свой бесславный город покинул он.
...И багряно вспыхнули облака.
И протяжным гулом зашлась река.
Глубоко в земле разразился стон.
И поплыл во мгле колокольный звон.

Ни одной черквы на сто вёрст окрест.
Видно, Сам Господь знак подал с небес.
И взошла заря на крутой крови.
И в бору заплакали соловьи.
А потом, калёным дымя ядром,
Раскатился в небе вселенский гром.
И уверовал весь сибирский люд:
Небеса палят Ермаку салют.

Чулков

Даниил Григорьевич Чулков —
Атаман отважных казаков,
Письменный стрелецкий голова,
На тебя надеется Москва.

Ты провёл ладейный караван
Сквозь дремучий вековой туман
На таёжный солнечный Тобол.
О тебе звенит сосновый бор.

Вековыми кедрами трубя,
Вся Сибирь приветствует тебя.
И гудит, вельми плечист и раж,
Под твоей пятой тобольский кряж.

Здесь пред Богом, на ЕГО порог
Казаки поставили острог,
Чтоб примкнуть вплотную к небеси
Золотой рубеж Святой Руси.

Трижды осенив чело крестом
На тобольском берегу крутом,
Троицкую церковь возвели
И острог Тобольском нарекли.

С той поры по праздникам Господь
Преступал не раз тоболью водь.
Где стоят в небесной высоте
Ангелы у Бога на щите.

В том небесном воинском строю
На передовом стоит краю
С разлихой ватагой казаков
Даниил Григорьевич Чулков.

Ремезов

Если строит Бог свой небесный град,
На Тобольский Кремль направляет взгляд.
Собирает каменщиков своих.
И первейший Ремезов среди них.
Потому что мастеру не впервой
Вымерять строительство бичевой.
Ведь ещё при жизни благим путём
Всю Сибирь промерил своим локтём.
И в локтях громады сибирских вёрст
Он на карту царскую перенёс.
И за это царь в назиданье всем
Разрешил отстроить Тобольский Кремль.
Потому допрежь деревянный он
И огонь наносит ему урон.
Заложить кирпичный велел завод
Над пучиной диких иртышских вод.
Приказал тобольский кирпич ваять
И Кремлю во все времена стоять.
Государь со шведами вёл войну.
Были инженеры в его плену.
Пожелал он пленных от вражьих войск
Переправить Ремезову в Тобольск.
Для строительных и иных потреб,
Чтоб не даром жрали казённый хлеб.

Эти иноземные мастера
Принесут немало казне добра.
Их уразумением мужики
Передвинут русло Tobол-реки.
Чтоб Tobол-реки полноводный вал
В половодье город не подмывал.
И палату шведскую возведут.
И её Рентереей назовут.
Чтоб пушную рухлядь в неё собирать.
И казну российскую пополнять...

.....
...Дьяк царёву грамоту настрочил
И Семёну Ремизову вручил.
Только наш Семён — не простой Семён!
И в работе спор, и умом силен.
И горазд подмешивать в кирпичи
Заревые солнечные лучи.
Закаляет глину огнём крутым.
И кирпич становится золотым.
Оттого и кажется — Кремль парит,
Что на чистом золоте он стоит.
И его кремлёвские кирпичи
Источают солнечные лучи...

...По весне в лучистый искристый день
Над рекой разносится птичья звень.
То звенит на заводах камыша
Ремез — птичка певчая Иртыша.
О Семёне Ремезове поёт
И птенцам крылатый детинец вьёт.

.....
...Если строит Бог свой небесный град.
На Tobольский Кремль направляет взгляд.
Собирает каменщиков своих,
И первейший Ремезов среди них.
По нему в кремле колокольный звон.
Потому что Божий каменщик он!

Дождь

От царевичей Дмитрия до Алексея
Горемычной мученической тропой,
Непорочные детские слёзы сея,
По России дождик идёт слепой.

И хотя идти по тропинке скользко —
Ажно целых две тысячи с лишним вёрст,
Но висит от Углича до Тобольска
Семицветной радуги дивный мост.

Под мостом гудящая Волга в плёсах,
И в скитах таёжных лежит Сибирь.
Этот дождь слепой — для России посох
И её божественный поводырь.

Разливанным облаком в небе хлётко
Барабанит дождь над Россией всей.
И сидят на радуге два подростка —
Цесаревичи Дмитрий и Алексей.

И сияет благодать на детских лицах.
Чтоб не плакать, ладонью зажали рот,
Потому что узнали в своих убийцах
Непутёвый и жалостный свой народ.

И вздыхают над русскими мужиками,
Что безропотно терпят казённый кнут.
И за дикий высокий уральский камень
Провинившийся колокол волокут.

Опальный колокол

На верёвках волоком
До Tobол реки
Притащили колокол
Бунтовщики.

Чтоб, немой, в Сибири
Он перемог
Самый долгий в мире
Опальный срок.

Засадили глухо
Его в тюрьму.
Отрубили ухо
И язык ему.

Принародно били,
Чтоб смирился он.
Душу загубили.
Растоптали звон.

«Ты, разбойник лютый,
Будешь знать, урод,
Как на бунт и смуту
Поднимать народ.

Получай, собака,
Угличский смутьян».
Был палач, однако,
На расправу рьян.

И плетью поруган.
И клеймом клеймён.
По сибирским вьюгам
Под кандалный звон

На верёвках волоком
До Тобол-реки
Дотасили колокол
Бунтовщики.

И на три столетья
Он сел в сугроб.
И на три столетья
Он впал в озноб.

И на три столетья
Свой звон забыл.
И тобольский ветер
В нём волком выл.

Печальный ангел

1

Над городами, весями,
Над грешною молвой
Печальный ангел свесился
С небес вниз головой.

Кровавой пыткой меченный,
Повергнутый хулой,
На царствие повенчанный
Петровскою петлёй.

2

Решением сената
Подписан приговор.
Тобольский губернатор —
Подлейший плут и вор.

Первопрестольный стольник.
Сибирский исполин.
Среди сынов достойных —
России блудный сын.

Любимец домочадцев.
Былинный богатырь.
До берегов камчатских
Раздвинувший Сибирь.

От островов японских —
Восточный край земли —
До островов чухонских
Гонял он корабли.

Гагарин, князь светлейший,
Исконный, русский, свой!..
И — висельник, висевший
В петле вниз головой.

В народных песнях ставший
Царём Сибири всей —
Печальный ангел падший
По имени Матвей.

3

А на лугу Царицыном
Трещат столы от блюд.
Пред царскими мздоимцами
Бьёт пушечный салют.

Сафьяновы ботиночки
Гарцуют по лужку.
Справляет Пётр поминочки
По стольному дружку.

Оркестр гремит неистово...
Шуты под визг и стон
Царём козла сибирского
Сажает на престол.

Пётр буйствует и бесится,
Катаясь по траве.
А падший ангел светится
В небесной синеве.

Кровавая испарина
На ангельском челе.
Смердящий труп Гагарина
Болтается в петле.

И всё же не пропащая
Российская страна,
Коль даже светом падшего
Она освещена.

Адмирал

Расступись, честной назём!
Губернатора везём!
На рудничных тачках
Ташим на карачках

На тобольскую зарю
Федьку — рваную ноздрю.
Губернатор новый —
Каторжник бубновый!

На Охотске срок трубил.
Солью шкуру продубил.
Шельма, ловок и хитёр,
Все бока о нары стёр.

На Тобольск, престольный град,
Едет вор и казнокрад.
Энта забубённа лядь
Будет нами управлять.

Порешил лихой упырь
Под себя подмять Сибирь.
Стражу зельем опоил,
Кандалы перепилил,

А когда конвой уснул,
Из острога умыкнул
С царской подорожной,
Дармояд острожный.

На Базарный въехал взвоз
Губернаторский обоз.
Спрыгнул из повозки
Адмирал тобольский.

И его орлиный взор
Озарил речной простор,
Цепь матёрых склонов.
Господин Соймонов

Взял коня за удила.
И — захлёб колокола,
Славя Православье,
Грянули за здравье.

А тобольские купцы,
Родовитые отцы,
Катят бочку с мёдом:
«Свет-Иваныч Фёдор,

Ковшик зелья пригуби,
Край тобольский возлюбил.
Будь Сибири мужем.
Мы тебе послужим!»

И с тобольского бугра
Сбросил шапку серебра
На подножье склонов
Волк морской Соймонов.

Каторжник охотский.
Благодетель флотский.
Ковшик жажнул через край.
Рвань тобольская, гуляй!

Пой, Иртыш! Пляши, Tobol!
Губернатор наш — орёл!
Адмирал царя Петра.
Губернатору — ура!!!

Божий день

Сонет

Во все зори и праздники здешних мест
Опускается огненный столб с небес.

Золотой светоносной своей пятой
Упирается в Троицкий мыс святой.

На сияние вечное обречён.
Соловиной картечью изрешечён.

Из глубинных земных родниковых недр
Возвышается он, как сибирский кедр.

Называется столб этот — Божьим днём.
И покоится свод небесный на нём.

И стоит у подножия дня поэт,
И восторженный пишет о нём сонет.

Упирается в огненный столб плечом,
Соловьёиной картечью изрешечён.

Соловей

Ещё поёт в тени среди ветвей,
России ставший светлою отрадой,
Алябьевский тобольский соловей
За приходской захарьевской оградой.

Где, песенный отмаливая дар,
Под сенью православного прихода
Поклоны бил Алябьев Александр —
Герой войны двенадцатого года.

С фортуной переменчивой своей
Он храбро и отчаянно сражался.
Тобольский ссыльный, песенный Орфей,
Отец-радетель русского романса.

Как офицер и пламенный гусар,
Врагов крушивший конною лавиной,
Он небеса России сотрясал
Высокой русской песней соловьиной.

Не потому ли видится порой,
Что над тайгой, снегами убелённой,
Возвышен Алафеевской горой,
Парит Тобольск сибирскою короной.

Как можно не влюбиться в эту ширь?
С горы стекает снежное Тоболье.
И за плечом Тобольска вся Сибирь,
Как мантия имперская соболя.

От млечных стен Тобольского кремля
До океана ширится и длится
Сибирь — не просто русская земля, —
Она Всея Руси императрица.

Парит Тобольск под куполом небес,
Благословляя отчие просторы,
И старцы монастырские окрест
В молитвах слышат ангельские хоры.

На вечные года и времена
Сибирь вписалась в Божие пространство.
Тобол — России звонкая струна.
Тобольск — столица русского романа.

Метель

Когда небесная медведица
Снег рассыпает из ковша,
Метёт тобольская метелица
Над побережьем Иртыша.

Метель, лихая сумасбродница
И леденящая мольба.
Она острожная колодница
И каторжанская судьба.

Метель, сибирская кандальница,
С упреком смотрит мне в глаза.
Она народная печальница
И Достоевского слеза.

Её попутчиком и мытарем
Пустился я в далёкий путь.
Земля, такой слезой умытая,
Меня не может обмануть.

Пока тобольская метелица
Метёт просторы Иртыша,
Позволь, небесная медведица,
Испить из твоего ковша.

Своей попоной серебристою
Ночной морозною порой,
Своей дымящейся, искристою
Медвежьей шубою накрой.

Возьми в сердечные избранники
И обними, и обогрей.
В России все поэты — странники
Метельной Родины своей.

Флейта

Это кто исполняет на флейте
Мелодичный лихой экзерсис?
Это Петя Ершов... Это Петин
Романтический скромный каприз.

Он студент петербургский столичный.
И флейтист, неизвестный пока.
Но зато литератор отличный,
Написавший Конька-Горбунка.

Говорил Пете Гунке — маэстро:
«Лучше, Петя, ты сказки пиши.
Ты искристая флейта оркестра
Звонкой русской народной души».

...Хоть Ершов и не стал музыкантом,
Но заветную флейту хранил.
И своим грандиозным талантом
Славный русский Парнас покори́л.

Есть небесная музыка в слове,
Восходящая в звёздный зенит.
По величию духа и крови
Нас она перед Богом роднит.

Назовите такую мне местность,
Ту девчонку, того паренька,
Что, вникая в родную словесность,
Не читали Конька-Горбунка!

Где уныния нет и в помине
И жар-птицею времечко мчит.
А небесная флейта и ныне
В каждой строчке ершовской звучит.

Гезель

Кюхельбекер, «Кюхля», «Гезель»!
На твоей худой спине
Лицеистом Пушкин ездил,
Как на добром скакуне.

То стремглав гонял галопом,
То рысцой-трусцой пушал.
По спине ладонью хлопал.
От восторга верещал.

Ненароком, втихомолку,
Светом глаз своих пленя,
Он трепал тебя за холку,
Как любимого коня.

Ах, лицейские забавы!..
Ослепительны оне —
Солнце русской звонкой славы
На своей таскать спине.

И насупившийся глухо,
Опалив огнём виски,
Он цедил тебе на ухо
Юные свои стишки.

Уходились между прочим,
Словно кони на снегу,
Эти пламенные строчки
У тебя в лихом мозгу.

А потом, как кони в мыле,
Через много-много лет
Далеко в Сибири всплыли
На крещёный Божий свет.

И в тобольский хмурый вечер
Ты, ослепший и больной,
Прокричал: «Подайте свечи!
Пушкин говорит со мной!»

Кюхельбекер, «Кюхля», «Гезель»!
В русских ты снегах почил.
О свободе дерзко грезил
И свободу получил.

Рыцарь призрачных мистерий
На российском сквозняке.
Гезель — это подмастерий
На немецком языке.

Пушкинское слово

На Троицком мысу высоком,
Господней волею храним,
Тобольский кремль — сибирский сокол
И шестикрылый Серафим.

По-пушкински над перепутьем
В таёжном небе ты паришь,
Там, где Тобол искристым устьем
Впадает в северный Иртыш.

Где в колокольный величальный
И величавый перезвон
Вливается и звон кандалный,
И стон, и плач былых времён.

И за чертой зарыт засечной
В сырой кладбищенской глуши
Любезный Кюхля — друг сердечный,
Осколок пушкинской души.

Вольготно пушкинское слово
Разносится по Иртышу:
«...Я прочитал Петра Ершова
И больше сказок не пишу!»

И, как небесное причастье,
Тобольский осенив зенит,
Звезда пленительного счастья
Сибирь венчает и хранит.

Суриков

...А Суриков с детства не плакал.
Порой выбивался из сил.
Приученный к уличным дракам,
Он молча обиды сносил.

В душе его ангелы пели.
Прозрачно искрясь, на листы
Ложились его акварели,
Как детские слёзы, чисты.

Когда он гостил на Тоболе,
Весна на Тоболе цвела.
Она целый город в подоле
Ему под окно принесла.

Василий Иванович замер.
Тобольский сквозной небосклон
Был весь переполнен слезами,
Что в детстве не выплакал он.

На красной имперской порфире
Рассветной воды Иртыша
Сюжет — «Покоренье Сибири...» —
Его угадала душа.

И стали Ермак со дружиной,
На смертный идущие бой,
Не просто известной картиной,
А русской великой судьбой.

Не зря по тобольскому устью
Юродивый шибко кричал:
«Господь наш с московскою Русью
Навечно Сибирь обвенчал!»

...А Суриков сердцем услышал
Тобольских небес благодать,
Когда он на улицу вышел
Народные лица писать.

Ему, как желанный гостинец,
Подаренный вьюжной судьбой,
Крылатый тобольский детинец
Играл на трубе золотой.

...А Суриков шёл в полумраке
Встречать соловьиный рассвет.
Всей здешней округи собаки
Ему посылали привет.

Склоняясь, трава целовала
Его дорогой сапожок.
Берёзка его зазывала
К себе на привольный лужок.

...А Суриков, знатный художник,
Кремлёвские прясла писал.
И дикий седой подорожник
Пред ним от восторга плясал.

И красные девки в Тобольске,
Хитро сдвинув домиком бровь,
Ему предлагали по-свойски
Сердечность свою и любовь.

...Об этом в сибирской столице
Звенит соловьиная трель.
И в местном музее хранится
С Тобольским Кремлём акварель.

Эхо

Припомнилась вдруг детская потеха —
В тумане окликать седую тьму.
И, заплутав, через полвека эхо
Нашло его, ответило ему.

Опять туман за окнами клубится,
И фонаря не видно на углу.
Не спится Менделееву, не спится.
Тревожно он глядит в ночную мглу.

Во мгле он видит дорогие лица.
И, может, оттого и потому
Не снится легендарная таблица
Во сне периодически ему.

Не снятся петербургские туманы.
Сквозь них и небо разглядеть нельзя.
Село родное снится — Аремзяны,
Товарищи по детству и друзья.

Тобольская гимназия мужская.
...И через полстолетия по весне,
Приятелей забытых окликая,
Он вздрагивает нервно в полусне.

Тревожно ностальгические боли
Теснят его сознание и грудь.
А хочется, как в детстве, вольной воли
И воздуха сибирского хлебнуть.

И он решает: всё же надо ехать,
Оставив все насущные дела.
Так Родина его сердечным эхом
В далёкую дорогу позвала.

...Когда речной колёсный пароходик
К Тобольску капитан пришвартовал,
Он! Менделеев! Сиганул со сходней!
И в ноженьки Тобольск поцеловал.

Фотографии

Среди фотографий старинных
Тобольских купцов и мещан
Я, словно в сказаньях былинных,
Героем себя ощущал.

Глубокие мудрые лица —
И взор, и осанка, и статья...
Не каждая сможет столица
Такой глубиною блистать.

Такой необъятною ширью
Загадочной русской души.
И веет морозной Сибирью
Из этой столичной глуши.

И есть незаёмное что-то,
Что выше любого ума.
И, кажется, с каждого фото
История смотрит сама.

Такой корневой — не парадный! —
К далёким потомкам визит.
И внутренний свет благодатный
Из каждого снимка сквозит.

Носившие солнце в котомках
И Божий сияющий лик,
На вас и на ваших потомках
Тобольский стоит материк.

Здесь веришь в несметное чудо
Бескрайней сибирской земли,
Когда понимаешь, откуда —
Куда и зачем мы пришли.

В тайге и на каторжном тракте,
И в шахтах глухих рудников
Ковался сибирский характер
В суровом горниле веков.

Здесь верные дело и слово
Тверды, как сибирский гранит.
И дивная сказка Ершова
Великую правду творит.

Минсалим

В зимний день под городом Тюмень
Из сугроба вынырнул тюлень.
Божий мир улыбкой одарил
И по-русски вдруг заговорил.
Про его волшебные слова
Разнеслась по всей Руси молва...
Говорят, в деревне Красный Яр
Зародился этот экземпляр.
До Тобольска города доплыл
И большим художником прослыл.
Там и познакомился я с ним.
Он Тимергазеев Минсалим.
Вознесённый славой до небес,
Легендарный мастер-косторез.
Северной поэзии кумир,
Сотворивший свой исконный мир
Из больших снегов и облаков,
Восходящий в глубину веков.

И о том тайком поведал мне
Бивень мамонтиный на стене.

.....

...В зимний день под городом Тюмень
Из сугроба вынырнул тюлень.
И, сугробы пробуя на вкус,
О сугробы стёр тюлений ус.
Мир лучистым взглядом озарил.
И в стихах моих заговорил:
«Я скучаю по рукам твоим,
Добрый мой создатель Минсалим!..
Посреди полночной тишины
Снятся мне твои земные сны.
По всему седому Иртышу
Я твою фамилию ношу.
Я — улыбка светлая твоя —
Озаряю отчие края,
Я твоя бессмертная душа,
Что царит над гребнем Иртыша.
Льётся над землёй небесный гул.
Это древний предок твой — Вогул,
Словно туча, хмурит в небе бровь,
Высекая из камней любовь —
Женщину желанную одну —
Мать, сестру, любимую жену.
Так из кости высекаешь ты
Щедрый свет любви и красоты...»

.....

...В зимний день под городом Тюмень
Из сугроба вынырнул тюлень.
И, умывшись солнечным лучом,
Так сказал: «А я тут ни при чём.
Чтоб спасти задуманный сюжет,
Про меня всё выдумал поэт.
Но за то, что в рифму говорю,
Минсалима я благодарю!»

На небесах

Катаемся на снегоходе.
Сугробы словно облака.
Пусть ангелы на небосводе
Нам позавидуют слегка.

У них ведь нету снегохода.
В просторах млечного пути
Им по стремнине небосвода
Крылом приходится грести.

То взлёты, то крутые скаты —
Волнистый снежный млечный путь.
Мы, словно ангелы, крылаты
И даже светимся чуть-чуть.

Такая дикая свобода
Досталась мне не по летам.
Я по стремнине небосвода
Небесным ангелом летал.

Спасибо, дорогой Елфимов
Аркадий, что сквозь снежный шквал
И я ладони Херувимов
И Серафимов целовал.

Здесь, на заснеженном Тоболе,
Преодолев свой смертный страх,
По Божьей, по небесной воле
Я побывал на небесах.

Тюремный замок

По тюремному замку к плечу плечом
Мы шагаем с художником москвичом.
Гулко наши шаги звучат в полутьме.
Породнились мы с ним в тобольской тюрьме.

Он Лукьянов Иван и подельник мой.
Повязала нас крепко судьба тюрьмой.
Трижды здесь подавлялся тюремный бунт.
Знаменитые люди сидели тут.

Здесь влачил Чернышевский тюремный срок.
Проклинал Короленко жестокий рок.
Если выйдем на волю из этой тюрьмы,
Знаменитыми будем с тобою мы.

Открывается карцера глухо дверь.
Чую я: не к добру это всё теперь.
Заходи побыстрей, не робей, Иван.
Этот карцер в народе зовут — «стакан».

В этом карцере нету сидячих мест.
Он для самых стойких — тяжёлый крест.
И хотя маловат на двоих «стакан»,
Выпьем чашу судьбы, мой собрат Иван.

Но толкает нас в спину экскурсовод,
Потому что заканчивает обход.
И выходим вдвоём из лихой тюрьмы
На свободу с чистой совестью мы.

Искры

От колокольных гудов
Искрится Абалак.
Смеётся Петя Пудов:
«У нас в Сибири — так!»

И смех его искрится.
И он искрится весь.
И над землёй клубится
Искристой пыли взвесь.

Околицы, просёлки.
Куда ни посмотри —
Сосновые иголки
Искрятся изнутри.

Искрящаяся ветка
В искрящемся бору.
Искрящаяся белка
Метёт хвостом искру.

Ручей искрится быстрый.
Искрится волчий след.
Отмечен Божьей искрой
В Сибири Божий свет.

И никуда не деться
От искромётных встреч.
И невозможно сердце
От искры уберечь.

Тобол искристый мчится,
Чтоб в рокоте большом
В объятьях братских слиться
С искристым Иртышом.

В искристом лунном свете
Искрится звёздный мрак.
Смеётся Пудов Петя:
«У нас в Сибири — так!»

Тобольский кремль

На высоком Троицком мысу
Господу молитву вознесу.
Осиянный ангельским крылом,
Господи, я бью тебе челом.

На душе вольготно и светло.
Надо мною ангела крыло.
На тобольской праведной земле
Ангел держит небо на крыле.

Под крылом у ангела Сибирь.
Он её небесный поводырь.
На трубе играет золотой
Ангел Света всей Руси Святой.

Золотят церковные кресты
Божьи светоносные персты.
Омывают светом купола
Ангела-Хранителя крыла.

Мой Богоспасаемый Тобольск
Перед строем всех небесных войск.
Песню величальную тебе
Ангел исполняет на трубе.

Волчье солнышко

Поэма

1

Стисну зубы — и молчок.
Кто там бродит мимо окон?
Вырос серенький волчок,
Стал большим матёрым волком.
А когда он был щенком
Желтоглазым и беспечным,
Ушки острые торчком,
Хвост, закрученный колечком, —
По ночам тайком ко мне
Приходил на мягких лапах.
Пузыри пускал во сне.
В полнолунье горько плакал.
Неуклюже семенил,
Загребая левым боком.
Он тогда меня любил,
А теперь вот смотрит волком.
И совсем не верит мне.
Зло глаза его лучатся.
Да, теперь с ним и во сне
Нежелательно встречаться.

2

Отвергнутый стаей подстреленный волк,
Я знаю, я знаю в поэзии толк.
О чём моё сердце ночами болит?
О том, что под сердцем мне пуля скулит.

Поверьте, поверьте, всё это не бред.
У жизни и смерти счастливый дуэт.
Когда я свой стон обращаю к луне,
В два голоса он зазывает во мне.
На песнях его я лелею свой слух.
Поскольку ещё я на сердце не глух.
Покуда звучит во мне этот дуэт,
Я с вами, я ваш... недобитый поэт.

3

И ударило сердце в ключицу,
И мороз пробежал по спине.
Я узнал в твоём взгляде волчицу,
Что ко мне приходила во сне.
Научила зализывать раны
От завистливых взглядов тайком.
Все мои облака и туманы
Пахнут дымным твоим молоком.
Таёт месяц дымком папиросным
На высоком крутом берегу.
И горят звёзды в небе морозном,
Словно волчьи следы на снегу.
Я узнал тебя сразу, волчица,
По раскосым и жадным очам.
В них пылает зари плащаница,
Что упала с Господня плеча.

4

Надоело углы своей комнаты
Холостыми слезами кропить.
Я иду в твои чёрные омуты,
Как щенка, своё сердце топить.
Будет месяц лошадкой каурою
По высокому своду бежать.

Будет ночка волчиною шкурою
Пред твоими ногами лежать.
Будут очи гореть, словно яхонты,
И, как молния, вздрагивать бровь.
И пленительный свет волчьей ягоды
Будешь ты мне подмешивать в кровь.
Расцелую тебя, черноокою.
И залягу от взоров людей,
Как волчонок, в ложбинку глубокую
На груди азиатской твоей.
Разделю с тобой ночку недлинную
И тягучую волчью тоску
За короткую радость звериную,
Как летящую пулю к виску.

5

Ты встряхнешь вороные ресницы
И пойдёшь без особых причин
Металлическим взором волчицы
Резать хлипкие глотки мужчин.
Твоя бабушка, видимо, сдуру,
Когда мама тебя родила,
Завернула тебя в волчью шкуру.
И душа твоя к ней приросла.
Потому-то средь чёрного шума,
По-звериному жадно дыша,
Так искрится во мгле твоя шуба,
Как искриться лишь может душа.
И глаза отливают железом
Леденящего сердца ножа...
...Не ревнуй, я тобою зарезан.
Слишком рана на сердце свежа.

6

Во взгляде твоём, как в глубоком колодце,
 Средь белого дня не увижу я солнце.
 Средь белого дня вдруг увижу луну,
 Когда загляну в твоих глаз глубину.
 Я вырону выдох протяжный: «Диана...»
 И вздрогнут вулканы во мгле океана —
 Рассыпят серебряной пылью золу
 И сделают лунной глубинную мглу.
 В пучину вселенной уронит всевышний
 Цветущую ветку серебряной вишни,
 Которая станет тропинкою млечной,
 Где птицы гуляют легко и беспечно.
 Где воют кометы, как лютые волки.
 И падают звёзды в звериные холки,
 Которые, словно туманы, дымятся...
 В них взоры людей заблудиться боятся.
 А русских мужчин соколиные очи
 Ласкает горячее солнышко волчье.

7

О, лютая любовь Востока,
 Палящая, как волчья пасть!..
 Судьба, не будь ко мне жестока,
 Не дай мне без вести пропасть!
 В твоём любвеобильном взгляде
 Оскалился звериный мрак...
 Недаром твой корейский прадед
 Сожрал на этом всех собак.
 Ты рвешь на части моё сердце...
 А после, чувствуя вину,
 Как на небесного младенца,
 Тоскливо воешь на луну.

Покуда звёзды, как овечки,
По млечным плавают лугам...
И льнут божественные речки
К высоким русским берегам.

8

Не азиат, не европеец,
Я без души не лезу в драку.
Скажи мне, добрый друг кореец,
Зачем ты съел мою собаку?
Ты в пьяной дружбе лез в объятья,
Как в битву рьяные рубаки...
Для русских все собаки — братья.
А братья — это не собаки!
Ты моего меньшого брата
Сменял на сытое корыто.
А чем собака виновата?
В том, что в тебе она зарыта!
А тем собака виновата,
Что за меняхватила лиха...
За моего меньшого брата
Ты мне отдашь сестру-волчиху.
Пусть верой-правдою послужит
Она мне, как моя собака.
А чем она собаки хуже?
Чем не жена для волкодлака?
Она любому в драке холку
Разрубит, если что случится...
Мужчине, человеку-волку,
Всегда под стать жена-волчица.

9

Луны охотничий рожок
 Собыёт любого с толку.
 Избави бог тебя, дружок,
 Во сне присниться волку!
 Когда шальная голова
 Стихи слагает в строфы,
 Читатель думает: «Слова...»
 А это — волчьи тропы!
 Седую снежную крупу
 Сорит с небес Всевышний...
 Ты на звериную тропу,
 Мой почитатель, вышел.
 В жестокий вымысел поверь
 И вникни в суть интриги:
 Тебе навстречу красный зверь
 Идёт из Красной Книги.
 Того, кто сердцем не слабак,
 Он рад рысцой потешить.
 Не стоит всех своих собак
 Ему на холку вешать!
 ...Пускай охотники «ату»
 Кричат своим легавым,
 Волк усмехнётся за версту
 Их помыслам кровавым.
 Совьёт петлёй и тиснет в тьму
 Свой след — подобно фиге...
 Как и положено ему —
 Он зверь из Красной Книги.

10

В заказниках смерть изрыгают двустволки...
 Прощает убийства Всевышний Отец.
 Поэты — матёрые лютые волки,
 Которые режут заблудших овец.

Овечья душа, обмирая до храпа,
Срывается в бездну вселенских огней,
Когда стихотворца мохнатая лапа
Когтями строфу вырезает на ней.
Меж смертью и жизнью свирепая схватка
Не раз на моём разгоралась веку...
Глубокая волчья матёрая складка
Навек пополам разрубила щеку.
В серебряном вихре звериного воя
Трепещет языческий бубен луны...
Когда задевает поэт за живое —
Душа осязает небесные сны.

11

А если судьба ополчится
И смерть резанёт по глазам,
Не плачь надо мною, волчица!
Москва не поверит слезам.
Россия слезам не поверит,
Когда покачнусь я во мгле...
И станет одним вольным зверем
Чуть меньше на отчей земле.
И ангелы к мудрому Богу
Звериную душу умчат.
И выведешь ты на дорогу,
Волчица, смышлёных волчат.
Поджарых, лобастых и рослых.
Дымящихся в лунных лучах.
По-волчьи угрюмо раскосых.
С матёрой искринкой в очах.
Волчата залягут в лощинку,
И вздрогнет луны божество...
...Когда это небо с овчинку,
Не жалко зарезать его!

12

Азиатская волчья тьма...
Во всё небо кровавый след,
Тут и умный сойдёт с ума,
Когда ты свой рождаешь свет.
Самый мудрый свихнётся враз,
Потому что вовек ему
И бездонных не хватит глаз,
Чтоб измерить такую тьму!
Шамаханской была княжной.
Прохлаждалась на волжском дне.
Поднялась твоя грудь волной,
И прибило тебя ко мне.
Распоров вековую тьму
Золотым лепестком огня,
Как кинжал в смоляном дыму,
Поцелуй твой обжёг меня.
Шамаханка, секрет открой,
Чем разбойника ты взяла,
Если Волга-река чадрой
Столько лет для тебя была?
Прохлаждалась на волжском дне.
Умывалась водой живой...
А теперь поживи во мне
И с моё на луну повой!
Тут и умный свихнётся враз,
Даже ежели он поэт,
Потому что не хватит глаз,
Чтоб измерить твой волчий свет.

13

В глаза убиенному волку
С досадой повинной взгляну...
Не буду трепать его холку
И в челюсть ботинком не пну.

Светло небеса в изголовье
Ему постелили навек
Забрызганный тёплой кровью
Январский искрящийся снег.
Спокойна отныне и присно,
Уже никого не страша,
Небесную тихую пристань
Звериная примет душа.
Ветвями колышут деревья,
Во мгле указуя ей путь...
Мне дикого лютого зверя,
Поверьте, не жалко ничуть.
Немного охотника жалко,
Хоть сам не пойму почему...
Но волчья тяжёлая шапка
Ума не прибавит ему.

14

Российская империя моя!
Сгорела ты на адовой горелке.
И отвалились тёмные края
От вседержавной золотой тарелки.
И откатились от тебя моря,
Где волны рыщут лютые, как волки...
И нету в голове твоей царя,
А лишь звенят имперские осколки.

15

Безмолвствует раздавленная челядь.
Растерзана азийская страна.
Как волчья окровавленная челюсть —
Зубчатая Кремлёвская стена.

Россия! Ты кормящая волчица.
Твои клыки от голода стучат.
Понуро за тобою волочится
Твой выводок — четырнадцать волчат.
Они ползут на материнский запах.
Они резцами режут твою грудь.
Воротят морды глупые на запад,
Чтоб молоко излишнее срыгнуть.
То кровь твоя по их гуляем венам —
Они друг другу холки теребят.
От титек оторвавшись суверенно,
Вольны рычать и тявкать на тебя.
Их хищный взгляд на кровное намётан.
Их ноздри бередит родная кровь.
Они щенки волчиного помёта.
У них к тебе звериная любовь.

16

Когда небосвод угаснет
И тени зияют мрачней,
Не Русь нас Святая спасает,
А скорбная дума о ней.
Средь смрадного блуда и глума
О Родине бедной, о ней —
Тяжёлая смутная дума,
Что лютой волчицы черней.
Она о пощаде не просит.
И, в сумерках путая след,
Как малых волчат, нас выносит
На Божий мерцающий свет.
Где Божьи бездонные очи
Сквозь вечный небесный простор,
Зеркально мерцая по-волчьи,
Глядят в наши души в упор.

И слёзно от этого взгляда,
Крылами чуть слышно шурша,
Как в сельской церквушке лампада,
Заходится светом душа.

17

Воздух Родины — воздух весны —
Словно тайну, люблю и приемлю,
Когда дивные райские сны,
Аки ангелы, сходят на землю.
Он огнём закипает в крови
И сердца разрывает в осколки.
И о нём, как о первой любви,
Воют самые лютые волки.
Не оставишь его на потом...
С ним легко и прощать, и прощаться.
И до смерти обугленным ртом
Им никто не сумел надышаться!

18

В этой роще нечистая сила,
А над нею кружит вороньё.
Эта роща темна, как могила, —
Не заглядывать лучше в неё.

В этой роще матёрые волки
Злобно воют и люто рычат.
И терзают нещадно за холки
Провинившихся малых волчат.

Пахнет сизый туман керосином...
В этой роще и в солнечный день
Меж ни в чём не повинных осинок
Промышляет иудина тень.

Рыщет в шкуре волчиной повсюду.
Человек, если встретится с ней,
Превратится в шишигу-Иуду
До конца своих пагубных дней.

В этой роще гнилое болото,
Где коварные кочки дымят.
Эта роща — лихие ворота
Для идущих безбожников в ад.

Эта роща дурманом объята
В сон клонящих, дурных родников.
Подрастут и зарежут волчата
Постаревших усталых волков.

А нечистая тёмная сила
Перед знаменьем крестным падёт.
А могила — на то и могила —
Если надо, она подождёт.

19

Стою перед Богом со свечкой.
Молю, чтоб меня не судил
За то, что смиренной овечкой
Я в стаде Его не ходил.
И что не делил с Его паствой
Грехов непомерных вину...
А был вольным зверем зубастым
И выл по ночам на луну.
На всё Твоя, Господи, воля!
И праведной длани Твоей
Подвластна звериная доля
Неправедной жизни моей.

А эта заблудшая строчка —
Смиренная вроде на вид —
Лишь загнанный волк-одиночка,
Что в лес убежать норовит.
Мой мудрый всевидящий Отче!
Прости мне во имя любви
Опасный мой промысел волчий —
Стихи, что стоят на крови.

20

Отвергнутый стаей подстрелянный волк,
Я знаю, я знаю в поэзии толк.
О чём моё сердце ночами болит?
О том, что под сердцем мне пуля скулит.
Поверьте, поверьте, всё это не бред.
У жизни и смерти счастливый дуэт.
Когда я свой стон обращаю к луне,
В два голоса он завывает во мне.
На песнях его я лелею свой слух,
Покуда ещё я на сердце не глух.
Покуда живёт во мне этот дуэт,
Я с вами, я ваш... недобитый поэт.

Аргуван

Поэма

* * *

В саду зацветает шиповник.
На ветке поёт соловей —
Отчаянный юный любовник
Восторженной песни своей.

Шипы ему петь не мешают.
Они бережат его кровь.
А раны — они украшают.
Они возвышают любовь.

О, розовый пламень востока,
Цветущий на ветке зари,
Твой свет, как шиповник, жестоко
Сжигает меня изнутри.

Тебе я, читатель, открою
Заветную тайну свою.
И сам я бываю порою
Подобен тому соловью.

Восторженный музы любовник,
Поклонник и рыцарь её.
А этот цветущий шиповник —
Разбитое сердце моё.

* * *

Про тебя говорят старики
Как про высшее Божее чудо,
Абдулла Махаммад Рудаки —
Светоносная лютия Панджруда.

Когда милости Бог раздавал,
Он стоял у небесного горна,
Потому что в то время ковал
Для тебя соловьиное горло.

Бог сверх меры плеснул серебра
И небесного чистого света.
Золотой головой Бухара
Преклонилась пред песней поэта.

В саманидских садах соловьи
Затихали в унылой печали,
Когда звонкие бейты твои
На устах у влюблённых звучали.

Горько плакал на небе Аллах,
Омывая лицо звёздным светом.
И бухарский воинственный шах
Называл тебя первым поэтом.

...Прокатилась звезда, как слеза,
По шершавой щеке небосвода.
Шах велел твои выжечь глаза
В избежанье прозренья народа.

И бредёшь ты, как странник слепой,
Никакого не ведая страха,
Соловьиной небесной тропой
В заповедном саду у Аллаха.

* * *

«Почин», «раскат», «кукушкин перелёт»,
«Трель», «клыканье», «курлыканье»,
«Дробушка» —
Колено за коленом выдаёт
Соловушка — зазнобушка — пичужка.

Бывает до двенадцати колен
(А курский баловник — того поболее...)
Напоминают нам: всё в мире тлен
И прах вселенский, окромя любви.

Соловушка — зеленоглазый Лель!
Откидывай любовное коленце!..
«Пастушья дудка», «лешева свирель»
Ножом разбойным рассекают сердце.

* * *

Стихами мудрыми своими
Возвысил ты язык фарси.
Никто твоё не знает имя,
Абулькасим Фирдоуси.

Потомкам псевдоним оставил
Как поэтическую блажь.
Но Персию в веках прославил
И родовой очаг свой — Баж.

Как нестибаемая крепость
Для всех блуждающих во тьме,
Восстал твой легендарный эпос,
Благословенный «Шах-наме».

Наследник бедного дахкана
Взрыл вековечную тоску
И мощь небесного вулкана
Вдохнул в бессмертную строку.

Во мгле бездомного изгнания
Нажил седины старика.
...А всенародное признание
К тебе пришло через века.

* * *

Мне унылого счастья не жалко...
Пропaday! И была не была!
Полночь лунная, словно русалка,
В звёздный омут меня завлекла.

В этом омуте плещет из сини
Лучезарная звёзд чешуя...
О себе, о любви, о России
Мне расскажет русалка моя.

Почему на степной оттоманке,
Заглядевшись на призрачный свет,
Вор скулил об одной персиянке.
А о Персии плакал поэт.

Поклоняясь кабацкому дыму,
Мужики в беспросветном хмелю,
Как на праздник, шагали на дыбу
Или лезли от скуки в петлю.

В звёздный омут бросали любимых
И с русалкой крутили любовь.
А по рощам огнём на рябинах
Зрела ягоды пьяная кровь.

Бесшабашное наше веселье —
Леденящая душу напасть:
Нахлебаться отравного зелья
И в объятья русалки упасть.

Чтоб могли на глухом полустанке,
Серебро разменявши на медь,
О какой-то шальной персиянке
Люди русские плакать и петь.

* * *

Арабский лев, иранский сокол —
Абульхасан Шахид Балхи.
На небе Персии высоком
Аллах прочёл твои стихи.

И разделил с Исою мнение*
О золотой твоей строке,
Чтоб я бессмертное творенье
Постиг на русском языке.

Я прочитал тебя, философ,
И тайну сердцем угадал.
Оставил больше ты вопросов,
Чем сам на них ответов дал.

Но лишь один урок извечный
В твоих трудах усвоил я:
Как о любви сказать сердечной,
Учились персы у тебя.

Чтоб песнь поэта стала мудрой,
Должна постичь его душа

* Исою на востоке мусульмане называют Иисуса Христа.

Величье льва, соколью удадь,
Ум волка и печаль стрижа.

Спасибо за совет твой царский
И за небесные стихи,
Иранский волк и стриж арабский,
Абульхасан Шахид Балхи.

* * *

Моя душа ночует в небесах,
Как стриж, над звёздной бездной зависая.
И ничего не смыслит в словесах,
Которыми я воздух сотрясаю.

Как стриж не смыслит, что стрижёт во сне
Небесный свет, когда во мгле кочует.
Моя душа забыла обо мне
И в бороде у Господа ночует.

Ей хорошо в Господней бороде
Купаться в сизом ладане и млеке.
А я-то где? Скажите, люди, где?
Ну, что ж вы приумолкли, человеки?

Моя душа висит на волоске...
А я не сплю и причитаю в голос.
А вдруг Господь в задумчивой тоске
Забудется и вырвет этот волос.

И поплывёт душа моя, дрожа.
И крыльями немых высот коснётся
Печальной тенью синего стрижа,
Который на рассвете не проснётся.

* * *

То не звёзд золотые огни
Пламенеют над кущами сада —
Фахриддин Асаад Гургани
Возжигает влюблённым лампы.

То не пылкий трепещет жасмин
И не роза, как пламя, пылает.
То влюблённый красавец Рамин
Ненаглядную Вис обнимает.*

То не в кущах звенит тишина
Над Гурганом ночью порою,
А, ревнуя влюблённых, луна
Мир накрыла небесной чадрой.

То не в красных цветах аргуван**
Лепестками огня облетает.
А пленительной гурии стан
Поцелуями ночь осыпает.

То не ангельский призрачный свет
Сыплет небо за ворот Эдему,
А придворный персидский поэт
О любви сочиняет поэму.

* * *

Красивая, как молния в грозу,
Ты, вспыхнув, моё сердце осветила.
И, на ладонь мне уронив, слезу
В жемчужину Востока обратила.

* «Вис и Рамин» — поэма Гургани о влюблённых.

** Аргуван — дерево с багряными цветами.

Ты мне сказала: «Вот подарок мой!
Его я подняла со дна морского.
Достоин он оправы дорогой,
Поскольку сотворён для дорогого...»

Русалочка печальная моя,
Твои глаза нерусского покроя
Искрятся, как восточные моря,
Средь русского заснеженного моря.

В них огненные сполохи грозы
И тьма неукротимого бунта...
Не стоит ни одной твоей слезы
Моей любви завьюженная смута.

Любимая, мне небо говорит,
Что сердце у поэта одиноко.
А на ладони у меня горит
Твоя слеза — жемчужина Востока.

* * *

Родила Ситара сына.
Назвала его Али.
Трижды крикнул: «Ибн Сина!..» —
Ангел в солнечной дали.

Трижды Божий промыслитель
Известил весь белый свет,
Что явился в мир целитель
И блистательный поэт.

Солнце ярко осветило
Мир персидский на заре.
«В небе новое светило», —
Говорили в Бухаре.

Эта весть, как свет, мгновенно
Разнеслась во все концы.
А в Европе: «Авиценна!» —
Восклищали мудрецы.

Свет твоих небесных строчек,
Твой бесценный Божий дар
Напитал один источник
С райским именем Кавсар*.

Ангел нежным дуновеньем
В жизнь твою вдохнул рассвет.
Под персидскою сиренью
Появился ты на свет.

* * *

Сирень прижалась к моему окну.
Доверчивости этой не нарушу.
А лишь окошко настезь распахну
И в дом впущу сиреневую душу.

Она моей прокуренной душе —
Желанная заветная отрада.
А если с милой рай и в шалаше,
То им двоим и терема не надо.

А я на табуретке посижу
В унылом уголке мирозданья.
И с завистью украдкой погляжу
На это мимолётное свиданье.

Им хорошо двоим и без меня,
И без моих непрошенных объятий.

* Кавсар — райский источник.

Достаточно и света, и огня
Для пылких и восторженных понятий.

Их призрачное счастье не навек.
Их встречи мимолётные так редки.
...О чём ты плачешь, добрый человек,
Сидящий на скрипучей табуретке?..

* * *

В Нишапуре птица-бейта
Залетела к шейху в дом.
Клюв у птицы словно флейта.
Сто отверстий в клюве том.

У аптекаря Аттара
(Не поверит мне никто!)
Песен звёздная отара,
Соловьёв певучих — сто.

Все за пазухой гнезятся.
Каждый песней знаменит.
«На подарки пригодятся...» —
Говорит Аттар Хамид.

Достаёт он птицу-бейту
В час раздумий о любви.
Дует в клюв ей, как во флейту, —
Вылетают соловьи.

— Чем богаты, тем и рады.
Я их людям раздаю.
Пусть поют для них рулады.
Каждому — по соловью.

* * *

Приручу твои ресницы
Всем сомненьям вопреки.
Эти две пугливых птицы
Будут пить с моей руки.

Будут, будут, будут, если
В свои руки их возьму.
Мы споём такие песни,
Что не снились никому.

Мы таких рулад наскажем
И налепим птичьих гнёзд.
И таких снопов навяжем
Из лучей окрестных звёзд.

Что всё чудо заграницы
Потускнеет на века.
...Эти две пугливых птицы
Приручу наверняка!

* * *

У любимой на груди
В бело-розовом тумане
Спит усталый Саади,
Словно ангел в Гулистане.

Много странствовал он лет.
Глубоко устал от песен.
Встретил милую поэт
И уснул в бутонах персий.

Гулистан — цветущий сад.
С того солнечного лета

Называют сад-Саад
В честь великого поэта.

Абдулла Муслихаддин
Средь достойнейших и равных
Из поэтов был один
Удостоен чести славной.

В том саду среди ветвей
Воспевает рай нетленный
Лучезарный соловей —
Ширази благословенный*.

Всякий Божий день в году
Все персидские поэты
Величают в том саду
Соловьиные рассветы.

Бело-розовый туман
На ветвях зари не тает.
Алым цветом Аргуван
На ветру огнём пылает.

В знойных солнечных лучах
Млеют юные фиалки.
Я такие же встречал
В городском рязанском парке.

В этом парке средь ветвей,
Прославляя рай нетленный,
Пел рязанский соловей —
Ширази благословенный.

* Ширази — почётное название уроженца Ширази, нисба (кличка) поэта Саади.

* * *

Улыбка благодатная
Слетела с Божьих уст
И молнией ударила
В шиповниковый куст.

И пробежал по веточкам
Зелёный огонёк,
И розовые свечечки
На веточках зажжёт.

Улыбку неба вешнего
Я целовать иду,
Шиповником зацветшую
В заплаканном саду.

Пусть больно расцарапаю
Я губы до крови —
Не зря с небес шарахнула
Мне молния любви.

Твой ряженный, твой суженый...
Ты узнаёшь меня?
Я молнией контуженный,
Любимая моя.

* * *

С детских лет неокрепший мой разум
Будоражил персидский восток,
Где в цветущей долине Шираза
Бьёт поэзии чистый источник.

Там склонились великие тени
Рудаки, Фирдоуси, Балхи...

По-рязански, по-русски Есенин
О любви им читает стихи.

И внимают поэту поэты
Гургани, Ибн-Сина, Аттар...
И небесных светил минареты
В их сердцах возжигают пожар.

Саади от волнения замер.
И уверовал мудрый Аллах,
Что в далёкой славянской Рязани
Небеса в облаках, как в чалмах.

Соловьи распевают рулады,
И тюльпаны дрожат на ветру...
Ничего мне для счастья не надо.
Я за песни Ширази умру!

В понедельник, во вторник иль среду
(Дайте только мне время и срок!)
Я в долину Ширази уеду
На цветущий персидский восток.

Разменяю рубли на динары
И куплю у чайханщика с рук
Для своей ненаглядной Гульнары
Шитый золотом кафтан-архалук.

Кротких глаз потаённая нежность
Обжигает сильнее огня.
Если глотки неверным там режут —
Пусть в Ширазе зарежет меня.

Мне знакома такая расправа.
Среди смуты российской и тьмы

Разгулялась разбойная слава —
Резать глотки умеем и мы.

Разлилось по Руси половодье.
Разошлось, как круги по воде,
Воровское блатное отродье...
Разве Родину бросишь в беде?

В понедельник, во вторник иль в среду...
Для себя я усвоил одно:
Ни в какой я Шираз не уеду.
Вышла замуж Гульнара давно.

А ещё мне известно заранее:
В дни народных смятений и бед
Ни в Ширазе, ни даже в Рязани
Никому ты не нужен, поэт!

Разметалось кромешное эхо.
А Шираз ослепительный мой
Не дождался меня, сам приехал
И на рынке торгует хурмой.

Содержание

Защитники Отечества — поэты

«Над Россией, стена в голос...»	4
«Вот и закачалось мирозданье...»	6
«Витийствуй, буйная гроза...»	7
«Взвыла бешено сирена...»	8
«Зима ступает робко...»	10
«Апрель...»	12
«Спой мне песню, свиристель...»	14
«Я открыл дремучие глаза...»	16
«Мои стихи отважно шли под водку...»	17
«Морена оттаяла...»	18
«Когда слышу в спину: «Жень!»...»	19
«Самолёт мой, кукурузник...»	20
«И левые, и правые...»	22
«Потерял я белого коня...»	23
Под Салтановкой, 1812 г.	24
Защитники Отечества	26
«И жеребцы строптивые гнедые...»	27
«Семинар поэтов молодых...»	28
Ослик	30
«Листобоем напролом...»	31
«О Тютчеве стихи писал...»	32
«Не печалься обо мне, родня!...»	33
«Нет победителей в бою...»	34
Зарево любви.....	35
Сура и Самара	38
Братки.....	40
«В этом мире Праздник Солнца...»	42
Шапка.....	44
«Читал мои стихи и плакал...»	47
«Ну, что дружок, продрог?...»	48
«Сизый месяц за млечную тучку нырнул...»	50
«Рванул из отчих берегов...»	51
«Закатилось за осинник лето...»	52
«Поговори со мной, ворона...»	53

«То было во время далёкое — оно...»	54
«Вышел и бросил стихи на дорогу...»	57
«Это дерево лежало...»	58
«Покуда звуки лютни...»	60
«О, эта русская рулетка...»	61
«В этой роще нечистая сила...»	62
«Когда ночь над московским Кремлём...»	64
«Говорю я ему: «Не клонись на зарю»...»	65
«Ты куда, душа, ходила?...»	66
«Дерзкая, как наваждение...»	67
«В пору юности радужной вольной...»	68
«Утопая в тумане по пояс...»	70
«Не знает странствующий снег...»	72
«У сопки таёжный посёлок...»	73
«Прозрачный осенний покой...»	74
«В стороне моей тихой, заветной...»	75
«Опять сиротеют деревья...»	76
«Укатил, уехал поезд...»	77
Про меня	78
Крестный ход	80
Холодец	82
Артист	84
Флейта	86
Подвал	87
Подорожная	88
Песня	90
Серафим	91
«Усни, моё горе! Пускай...»	92

Евразийский большак

«Направо пойдёшь — меч булатный долой...»	94
«Русский космос со дна океана...»	95
«В городишке уездном...»	96
«У палачей в почёте скоморохи...»	97
«Деревенька моя Лопатино...»	98
«Душа, тебя отбелят в морге...»	100
«Проклюнул землю лопушок...»	101
«Куда ты, Родина, куда...»	102
«Захирела зима, дала дубу...»	104
«В пламени январского мороза...»	106

Неизвестный поэт.....	107
«Дождичек — калика переходжий...».....	108
«Перед Всевышним грешен я...».....	109
«Лопатино — сельцо родное бати...».....	110
«В долг давал без отдачи...».....	112
«Когда российская земля...».....	114
Таможня.....	116
«То ли страна у нас шибко большая...».....	117
«Теплеет климат на планете...».....	118
«Ладонь, протянутую к нам...».....	119
Сказ.....	120
«Квартирка с кладбищенским видом...».....	122
«Ему бы жить в железном веке...».....	123
«Опять на гребне куража...».....	124
«Была у меня Держава...».....	125
«Ах, какие девочки красивые!...».....	126
«Лежит на печи Параскева...».....	127
«Не сожалею я о том...».....	128
«Дождик не просто траву поливает...».....	130
«Дверь железная у входа...».....	131
«Шибко в России темно...».....	132
«Речка Татьянака...».....	134
«Те — за Россию. И те — за Россию...».....	135
«Нет оправданья ни правым, ни левым...».....	136
«Молю Георгия Святого...».....	138
«Она в честь любовника Вовкой...».....	140
«А над землёй родное солнце...».....	142
93-й.....	143
Экспромт.....	144
«Этот город похож на тюрьму...».....	145
«Лучшие дурочки мира...».....	146
«Блуждает отчий край во мгле...».....	147
«Заневестились внешние вишни...».....	148
«Друзей не виню я ушедших...».....	150
Легенда.....	151
«Жена грозит разводом...».....	152
«Из небесного Божьего рая...».....	153
«Небес взыскующее пламя...».....	154
«Катятся волны, камня граня...».....	155
Авангардист.....	156
«Зари окровавленный меч...».....	158
«Забродила осень, словно брага...».....	159

«Спит народ, как солдат на ходу...».....	160
«Боже святой, Боже правый...».....	162
«Когда зацветает подснежник...».....	163
«Месяц плывёт молодой...».....	164

Только и всего

Только и всего	166
Падежи	167
«И стены, и вещи чужие...».....	168
Признание.....	169
Лариса.....	170
Ящер.....	172
«Сначала я облаком малым...».....	173
«Над платформой «Липяги»...».....	174
«Собаке снится речка, не иначе...».....	175
«Сад мой затаился, замер...»	176
«Снег спускался с небес осторожно...».....	177
«Примеряет заяц шубу...»	178
«Ты глядишь на меня исподлобья...»	179
«Старая лошадь устала...».....	180
«Солнце макушкой покатою...»	181
«— Серебристая дорожка...»	182
«Мой ангел, не вечно сиротство!..»	183
«Где же тот мальчик ушастый?...».....	184
«Простужусь, охрипну, заболею...».....	185
«У крылечка мечется подранок...»	186
«Не ждали, не думали — нате!..».....	187
«Целуемся с тобой в подъезде...»	188
«Я замираю виновато...».....	189
«В нашей разноликой коммуналке...»	190
«Вы меня уже не вспомните...».....	191
«Ходит голубь по карнизу...».....	192
«Опять дождевые плащи...»	193
«Человек упал среди дороги...».....	194
«Как из дикого смертного боя...»	195
Егерь.....	196
«И снится Петрову жена...».....	197
«Нашу улицу рассекает...»	198
«Он стоял на углу возле булочной...»	199
Ангел	200

«Небеса раскачивая мерно...».....	202
«Увидит меня, улыбнётся...»	203
Отец.....	204
Гудок.....	205
Гость	206
Дружок	208
Не свисти!.....	209
Бардак	210
Поэт.....	212
«Ты зачем, Владилен Кожемякин...».....	214
Виденье.....	215
Дождик.....	216
Дом	217
Лодочник	218
Сон.....	219
Плач.....	220
Напасти	221
Спасибо.....	222
Падший ангел	223
Печаль.....	224
Драма	225
«Берёза стонала во сне...»	226
Рождественский снежок	227
Расхожее слово	228
Прошлогодний снег.....	229
Смутное время.....	230
Бесы.....	231
Чернуха.....	232
Колдунья	233
Застрешный	234
Неразумные мысли.....	235
Не верю	236
Звёзды.....	237
Праздник.....	238

Поэмы

Красный кречет	240
Тобольские ангелы.....	258
Волчье солнышко	287
Аргуван	300

Евгений Николаевич Семичев

НЕЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ

Стихотворения. Поэмы

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректурa — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено творческим объединением

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон: (846) 333-48-01

Подписано в печать 08.02.2021. Формат издания 84x108/₃₂.

Объём 16,8 печ.л. Гарнитура Warnock Pro.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Слово».

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;

тел.: (846) 267-36-82.

e-mail: izdatkniga@yandex.ru